

Риина Юлман

САГА О ВОЛОНТЕРАХ

Риина Юлман

Сага о волонтьёрах.

<https://litres.ru/74463864>

Аннотация

Здесь собраны книги цикла «Волонтьёры». Есть возможность приобрести четыре большие книги сразу. По окончании пятой книги, она будет добавлена. Доплачивать не придётся.

Цикл «Волонтьёры» охватывает большой исторический период, населён множеством главных и второстепенных героев с многогранными характерами. Здесь интересный, приближенный к реальности сюжет со множеством линий. Исторические данные, традиции, законы, обычаи, даты, личности достоверны. Цикл разножанровый. Любовь, приключения, детектив, попаданчество, путешествия во времени. Проблемы человечества и человечности, прогрессорство, альтернативка, бытовое фэнтези, психология и философия — всё, что не перечислено, найдёте тоже. Персонажи живут, развиваются, проходят через кризисы и испытания, стараются изменить мир вокруг себя к лучшему. Вдруг узнают, что их волонтьёрское призвание и цели совпадают с целями таинственного сверхразума планеты. Он берёт над ними шефство. ББ бдит за всеми!

Можно приобретать книги по отдельности, но оптом всегда дешевле))))

«Волонтьёры в Средневековье» — бесплатная.

«Орден волонтеров».

«Приключения волонтеров».

«Миссия волонтеров».

«Мир волонтеров» в процессе.

Содержание

Книга первая. ВОЛОНТЁРЫ В	6
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Глава 1. Предисловие.	
Глава 2. Знакомство с Ольденбургом.	12
Глава 3. «И моё сердце остановилось, моё сердце замерло!».	17
Глава 4. Осмотр недвижимости.	22
Глава 5. Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек!	31
Глава 6. Неожиданно свалившееся на меня богатство.	36
Глава 7. Кто ты, Линдхен или Лидочка?	41
Глава 8. Родня и бывшая родня.	45
Глава 9. Аукцион и его итоги.	49
Глава 10. Волонтеры, спустившиеся с небес!	53
Глава 11. Жить рядом с замком и не обследовать его – нонсенс!	61
Глава 12. Искатели приключений.	65
Глава 13. Дел тут на пять минут...	69
Глава 14. Паническая атака.	75
Глава 15. Мы попали, ребята.	80
Глава 16. Если вы орёте, а в ответ тишина, это не всегда означает безлюдье	87
Глава 17. Завтра мы пойдём в большой дом.	96

Глава 18. Секреты замка Мюнн.	103
Глава 19. Мужская мода.	118
Глава 20. Подворовый обход.	125
Глава 21. Скромный деревенский праздник.	129
Глава 22. Вы с ней единокровные сёстры.	134
Глава 23. Руди - он и есть Руди.	138
Глава 24. Месяц, как мы обживаемся в этом времени.	145
Глава 25. Он существовал!	152
Глава 26. Наша цель — выжить и укрепить позиции.	157
Глава 27. Хватит на сегодня приключений.	164
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Книга первая. ВОЛОНТЁРЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Глава 1. Предисловие.

Некоторые исторические лица жили в описанную эпоху. Некоторые исторические события имели место быть. Некоторые географические названия до сих пор есть на картах. Методы измерения и единицы соответствуют историческим.

Имена имеют смысл. Все титулы и обращение к титулованным особам весьма спорны и употребляются в упрощённом виде. Условия быта простолюдинов и даже знатных особ в реальной действительности были более суровы. Законы были более жестоки. Реальное Средневековье нельзя изучать по фэнтези с попаданцами. Некоторые события, описанные в книге, хотя бы немного показывают реалии прошлого.

Все дозволенные жанром фэнтези вольности не использованы автором в полной мере. Это значительно усложнило жизнь персонажам книги. Им пришлось упорно трудиться. За что прошу у них и у Вас, мой читатель, снисходительного понимания.

Амелинда Эдуардовна Мюнних-Ладовская.

Год две тысячи двенадцатый от Рождества Христова.

Твой дом там, где твоё сердце... Если так, тогда я свой домик, как улитка, на себе таскаю. Не получилось нигде пока зацепиться сердцем, хотя место жительства я меняла часто. Так же как и работу, коллег, соседей, мужей и сопутствующих им родственников. Вот таким вот перекаати-полем я докатилась до тридцати семи лет.

Последний развод, после шести лет брака, вообще странный был. Супруг мой, третий раз Богом данный, очень хотел детей, он сам из многодетной семьи. Но иметь их не мог. Решил, что я тоже без детей страдаю, он должен дать мне свободу.

Мне стыдно было признаться, что детей я не хочу. Эгоизм? Умеренно, не больше многих. Нежелание ответственности? Не сказала бы. Наверно, просто обделила меня природа материнским инстинктом, я чувствовала свою ущербность, но ничего поделать с собой не могла.

Зато в физическом плане всё было на высоте: как сказала гинеколог – хоть сейчас тройню рожай, ооциты кучкуются. У Германа не могло быть здоровых детей из-за службы в секретной части, где получил облучение. Генетики категорически не рекомендовали.

Противоестественные способы зачатия я не воспринимала в принципе, а он отказался от усыновления, не хотел ребёнка чужого по крови нам обоим. Мы не нашли приемлемого для нас решения. Я точно не искала. Жить бы да жить

вместе: я не хочу ребёнка, ему нельзя. Племянников дюжина. Так ведь нет, заклинило человека!

Разрулил для себя он проблему кардинально: тишком, тайком обратился к профессиональной свахе. В брачном агентстве ему сосватали девушку, мать-одиночку с двумя мальчиками-погодками. Я даже себя виноватой почувствовала, что не сходила пару раз налево, за наследниками. Вот, оказывается, чего он от меня так долго ждал, спасибо хоть предложить не решился.

Ну ладно, зато четыре человека нашли друг друга, полноценная семья. Дай Бог счастья. После бурного выяснения отношений порыдала над потерянным временем, заодно и генеральную уборку в квартире сделала, не пропадать же зря адреналину?

Бывший муж сам подал на развод и на раздел имущества, в итоге мне досталась честная доля отступных от нашего совместного бизнеса по перегонке б/у авто из Германии, право остаться в арендованной квартире, автомобиль «Опель» и главный отвоёванный приз – кот Дымыч, с отморозенными ушами, естественно, дымчатого окраса. Геру убедил мой аргумент, что кот теперь моя семья, не оставаться же девушке одной.

Учитывая опыт предыдущих поколений, быстренько конвертировала бумажные в зелёные, храню на валютном счёте. Продала автомобиль. Пока не нужен. Поскребла по депозитам, ибо никогда не жила в кредит. Всё подаренное, приоб-

ретённое в браках и ранее золотишко мысленно перевела в доллары, добавила к имеющемуся счёту и... задумалась.

Сумма набралась для меня неприлично приличная. Есть у меня такая по наследству передающаяся черта: работать с раннего возраста, умело экономить, копить, с умом вкладывать. Да уж, я ещё та скопидомка! Может, как раз на домик приличный скопила? А что, пора бы уже, так сказать, корни пустить, вот только растение я привередливое, почву надо найти подходящую и климат.

Перед такими серьёзными переменами в жизни можно позволить себе немного отдохнуть, расслабиться, а то если труд действительно облагораживает человека, то я уже в ранге благородных не меньше графини! Навещу, пожалуй, снова историческую родину – Фатерлянд.

По работе я как партнёр и переговорщик уже была там много раз, а вот просто поколесить по стране было некогда. Решила путешествовать самостоятельно, без турагентства, не нравится мне, когда за меня решают, где остановиться, что смотреть и что есть. По времени пребывания тоже не хотела точной даты, как сложится.

Немецкий – первый родной с детства. Уж на бытовом и деловом уровне общаться могу. Мои предки из Германии прибыли в Россию, обнадёжившись условиями манифеста Петра Первого, где он приглашал различных иноземных специалистов. Семейство военного инженера Мюнниха свои обычаи и язык не забывало, многочисленные потомки в семье

всегда говорили на немецком языке.

Придерживались католической веры, кто верил, но в основном после революции атеистами были. Девушки нашего рода, выходя замуж, всегда брали двойную фамилию, детям имена давали соответствующие. С национальным колоритом. Тоже традиция. Так что я фрау, ах да, снова фройляйн Мюнних-Ладовская Амелинда, ну а если без паспорта и пафоса, просто Линда. Линдхен, как зовёт меня моя мама. Лидочка для всех остальных. Мне нравится имя Лидия. Оно гордое и стойкое.

Итак, паспорта, анкеты, визы, билеты эконом-класса... Дымыча к маме в Выборг... Чемодан новый купить, побольше, а то у прежнего колесо от недогруза треснуло, сумку... Ну эта ещё сойдёт, обновы к лету... Вот ещё, полно барахла, экономим. Духи почти закончились, этого я не могу допустить. Бегом в «Новую зарю». Да-да, мои духи именно там! Не потому, что у меня нет средств на парфюм Франсе, а потому что во Франции нет такого аромата!

Вперёд! Аэропорт-самолёт-перелёт! Здравствуй и до свидания, славный бург Гамбург, мне дальше, ибо родовое гнездо предков находилось вроде как где-то в Ольденбурге. Путешествие, новые впечатления, люди, места! Вот он, тот самый волшебный момент, которого мы ждём! Мы готовимся, готовимся, стремимся к нему, а он всё отодвигается и отодвигается, как горизонт. Я чувствую, как мне жизненно важно ощущение долгожданного и наконец наступившего буду-

щего! Я вылупилась! Я отбросила надоевшую тесную скорлупу и никогда не вернусь в обидавшее меня прошлое. Прощай!

Глава 2. Знакомство с Ольденбургом.

Трансферта в маленьком семейном отеле, который я выбрала на сайте, не было, поэтому долго и нудно добиралась на автобусе. Дорога по пологим холмам медленно и плавно спускалась в низину, и с высоты открылся потрясающий вид на чудесный, как на открытке, городок.

Я смотрела на него сквозь пелену слез, было щемящее чувство дежавю – словно возвращаюсь домой издалека, словно истосковалась по родным местам. Всё это было, да, было со мной когда-то... Краткий миг ощущения бытия в другом времени. Проживание прожитого. Картинка на тысячную долю мига сместилась и поплыла, слегка закружился и вернулся на место озадаченный мозг.

Старинные постройки и более современные дома смешались, создавая причудливый, но вполне гармоничный облик города. Уютно и провинциально.

В небольшом, удобном номере нашлось всё необходимое, чтобы привести себя в порядок с дороги. Фрау Фредерика, хозяйка отеля, элегантная худощавая женщина лет пятидесяти, угостила меня кофе с кексом. Я выбрала полупансион, с завтраком; взяла карту города и отправилась на вечер-

ную прогулку, осмотреться, заодно поужинать в ресторанчике, который она мне рекомендовала.

Городок оказался тесно застроенным, хорошо озеленённым, много было молодых саженцев на аллеях, роскошные клумбы, а уж эти знаменитые цветущие европейские балкончики! Казалось, что все хозяйки соревнуются – у кого краше?

Первым делом нашла тот ресторан недалеко от рыночной площади, он назывался «Благородный олень», был стилизован под старинную харчевню и одним своим видом переносил посетителя на три века назад. Над огромным камином, который был просто элементом декора, висела голова оленя с большими грустными стеклянными глазами и целым кустом из почему-то золочёных рогов на голове. Неожиданно стильно и красиво. Подошёл интересный мужчина-официант, представился. Не начал нудно талдычить обычную песню всех официантов всех стран и народов.

- Фройляйн интересуется наш олень? - надо же, заметил, что нет кольца.

- Великолепная работа таксидермиста, просто чудо!

- Это традиция нашего места. Не знаю, с каких времён, но голова благородного оленя висела здесь всегда, возможно, с момента постройки. Естественно, её меняют по мере утраты внешнего вида.

- Благодарю, весьма интересно, традиции надо соблюдать. Они связывают нас с прошлым.

Посмотрев, какие подают порции, заказала только одно блюдо – печёную свинину в горшочке с черносливом, неимоверная вкуснятина, а кисленький морс из какой-то местной ягоды прекрасно заменил вино к мясу. Очень сытно, зашло за обед и ужин. Оставила хорошие чаевые, с прекрасным настроением двинулась изучать центр.

Тепло, начало мая, погода отличная. Гуляем, меня хорошую, дальше. До позднего вечера, сверяясь с картой, обследовала центр города. Застройка его была типичной для старинных городов, что закладывались в эпоху Средневековья.

Центральная, она же рыночная когда-то площадь, была вымощена булыжником, её окружали ратуша, собор, театр, дорогая гостиница, переделанная из какого-то старинного здания, магазины, наличествовал фонтан со всеми скульптурными атрибутами.

Здесь была полностью пешеходная зона. Топтались многочисленные туристы, озабоченные целью запечатлеть своё присутствие в означенной локации. От площади расходились радиально три улицы, они были узкими по современным понятиям, но вполне удобными для пешеходов.

Нежный запах молодой свежей листвы поднимал настроение. Я не торопясь шла всё дальше и дальше. Втиснутые между старинными домами новые строения стали резать глаз, хорошо, располагались они хоть и на тех же улицах, но подальше от центра.

Нагулявшись так, что ноги стали подкашиваться, повер-

нула обратно, уже порядком стемнело. Нужно как следует отдохнуть, завтра у меня экскурсия по окрестностям города. Фрау Фредерика уже забеспокоилась, обычай немцев рано отходить ко сну превращал одиннадцать вечера в глубокую ночь.

Спала я без задних ног, и без передних тоже. Кто рано встаёт, тот весь день зевает – это обо мне. Поэтому билеты на загородную экскурсию я купила на последний маршрут в девять утра, пришла вовремя, ждали только меня.

Автобус комфортабельный, туристов немного, маршрут пятичасовой, с обедом. Заедем в две старинные деревни и небольшой городок. Я внимательно слушала нудную девушку-экскурсовода, нужно было исправлять свой лёгкий акцент и пополнять словарный запас, попадались новые для меня слова.

Буквально в сорока минутах езды от Ольденбурга, между холмами, на берегу широкой реки Хунте уютно расположилась довольно большая историческая деревня Хагген.

Пейзаж был приятный: река, живописно поросшая старыми ивами и камышом. Улицы с аккуратными домами изгибались в соответствии с рельефом, красные черепичные крыши ярко и свежо контрастировали с нежно - зелёной майской растительностью.

Посетили старинную лютеранскую церковь. В киоске при ней приобрела мастерской работы деревянное распятие под старину. Подарю маме. Она в последнее время в религию

ударилась. Уже было купила сувенир мужу, но вовремя спохватилась.

Потом зашли в магазин фермерских товаров, прикупила маме в подарок большой набор семян, она у меня завзятая дачница, мы её в шутку земляройкой зовём. В магазине подсказали, что можно увидеть образцовую ферму, где эти товары производятся, можно пообщаться с домашними животными. Семейство с детьми, конечно, настояло на этом.

Наш маршрут слегка изменился. Нужно ехать на окраину, к реке. Две улочки вниз, потом вверх по холму, снова вниз километра полтора и...

Глава 3. «И моё сердце остановилось, моё сердце замерло!».

Вот когда я прочувствовала смысл фразы «И моё сердце остановилось, моё сердце замерло!». Я узнала его вмиг, как будто жила в нём всю свою жизнь. По спине прошел холодок. Предчувствие встречи. Значимой и долгожданной. Может, я ждала её всю жизнь, просто не знала об этом.

Это был очень старый и очень большой дом – крепость в два этажа с надворными постройками. Стоял он слишком близко к берегу речки или, скорее, её притока. С дороги была видна высокая заложённая кирпичами арка, которая когда-то служила центральным входом или даже скорее въездом, так как длинные каменные хозяйственные строения по периметру образовывали закрытый внутренний двор.

Нелепо смотрелись прямоугольные окна в обрамлении кирпичных заплат, некоторые были совсем замурованы. Высокий цоколь носил следы регулярных подтоплений, флюгера на смешных конических, как вьетнамские шляпы, крышах заржавели в одном положении.

В целом дом-крепость производил, несмотря на внешнюю добротность, впечатление нежилого. Так и оказалось, Беата,

экскурсовод, объяснила, что в нём никто не живёт. Нет, посетить его мы не можем, это небезопасно и не предусмотрено планом экскурсии.

– Беата, я остаюсь, пойду сейчас в мэрию, мне нужно попасть в этот дом.

– Зачем идти, здесь далеко пешком, будем проезжать мимо, сойдёте. А сейчас пообедаем в пиццерии, Вам тоже лучше подкрепиться перед встречей с мэром.

Экскурсанты радостно загалдели в предчувствии обеда. Пицца была немецкой, из пышного теста с огромным количеством вкуснящей колбасы и жирного сыра. Из напитков были кола и кофе. Я купила бутылочку минералки.

Орали дети, требуя сладости и раздражая остальных экскурсантов. Мама и папа, очкарики-задохлики, стойчески переносили вопли, не собираясь потакать капризам. Мы то за что страдаем? Взяла себе желе из фруктового сока с красивыми ягодами и белковым кремом. Подсела за их стол. Стала есть, нарочито смаковать, закатывая глаза, облизывая ложку и подбирая языком крем. Что-что, а с аппетитом кушать я умею.

Дети обалдели от такой наглости и наконец замолчали. Родители посовещались, решили, что польза от такого десерта перевешивает вред, купили им по порции. Все, включая меня, счастливы! Подкрепившись, загрузились в уже ставший родным автобус, и всей компанией бодро потрусили дальше.

– Вот и мэрия. Линда, Вы знаете, как добраться обратно?

-Да, спасибо, я задержусь тут на пару часов и в отель.

Перед белым зданием муниципалитета высокий худощавый мужчина лет шестидесяти, в красном пуловере домашней вязки, старательно подстригал живую изгородь, он с интересом посмотрел на меня льдистыми светло-голубыми глазами поверх очков.

– Здравствуйте, подскажите, как мне увидеть мэра?

– Можете ещё раз внимательно посмотреть, и Вы меня увидите, фрау...

– Амелинда, Амелинда Мюнних, герр...

– Георг Брункс, к вашим услугам, фрау Мюнних.

– Прошу Вас, просто Линда. Я к вам с просьбой: хотела осмотреть тот большой пустой дом у реки, если это возможно.

– Хочу сразу предупредить, фрау Амелинда, наследственное право на этот дом утеряно по истечении установленного законом времени, если Вы по этому вопросу.

– Нет, с чего Вы взяли, герр Брункс?

– Ну как же, Вы – Мюнних...

– И что? Не понимаю.

– Последние владельцы, бароны братья Мюнних, не вернулись с войны, были неженаты, их род пресёкся. Мы даже в инюрколлегию обращались, наследники не нашлись.

– А я... Я не знала, приехала просто на экскурсию и увидела дом, захотелось его посетить. Потянуло. Из Ольденбурга мои предки, давно мечтала увидеть этот город. Я из оль-

денбургских Мюннихов, которые в семнадцатом веке в Россию перебрались, там родилась и живу. Не пресёкся род, нас много, и по мужской линии тоже.

— Рад, искренне рад за вас всех, проходите, разговор-то долгий будет.

Из разговора длиной в две чашки кофе выяснилось основное: дом стал выморочным имуществом, принадлежит муниципалитету Хагген. Ему не по средствам содержать его и провести реставрацию по требованиям, соответствующим памятнику средневековой архитектуры.

Поэтому он давно выставлен на продажу, желающих купить даже дёшево последние двадцать лет не наблюдается. Почему? Закон требует, чтобы даже частный владелец ремонт дома делал только по установленным стандартам для исторических памятников. Это уйма согласований, проверок.

Кроме того, перепланировка запрещена. Снаружи и внутри здание тоже должно иметь максимально аутентичный вид. Материалы для ремонта должны соответствовать оригинальным. Потенциальные покупатели понимали, что не смогут перекроить дом под себя, поэтому отказывались. Только крепкие хозяйственные постройки время от времени сдавались в аренду. Сыграло роль и расположение в глубокой провинции, здесь мало интереса для богатых людей.

А в казне муниципальной как раз недостаёт денег на благоустройство: школу отремонтировать, дорогу местную об-

новить... Вот как раз именно той суммы, что стоит дом. Сколько не хватает на благоустройство? Сущий пустяк, фрау, всего-то около триста сорока тысяч евро. Это очень дёшево для такого дома.

Так прикинем, по нынешнему курсу, нет, не будем прикидывать. Даже с учётом торга много, для меня много. Видимо, это Голос Разума, жаба даже не пыталась квакнуть, ей тоже хотелось купить дом. Не по Сеньке шапка. Ладно, мэр ведь об этом не знает, пусть старается. Нехорошо сразу огорчать человека. Огорчим его позже. .

Глава 4. Осмотр недвижимости.

Ну вот что, что мне приспичило туда идти, словно на верёвке меня тянут? Ладно, будем считать, это бесплатная персональная экскурсия, сам мэр в экскурсоводы напросился.

А мужчина хоть куда! Как давно передо мной открывали дверцу автомобиля, галантно подавали руку, к месту говорили комплименты. Кавалер мой староват, материально заинтересован, но ведь приятно!

Воистину, ничто не стоит так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость. Под россыпь любезностей я была посажена, доведена, высажена и доведена к повороту дороги, она вывела нас к тыльной части домовладения. По пути мы обсуждали его настойчивое предложение о покупке:

– Что Вы, герр Брункс, и в мыслях не было покупать недвижимость, тем более что восстановить будет в два раза дороже, чем она стоит. Просто посмотреть, побродить по развалинам, сфотографироваться на память. Родне показать.

– Вовсе не развалины, вот увидите сами, строили на века. А ещё есть отдельный флигель, где последние владельцы жили, так он совсем в хорошем состоянии.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, так у нас говорят.

– Идёмте, Линда, увидим, ключи у нас.

Господин мэр открыл большим ключом уж совсем проржавленный навесной замок, я даже боялась, что он рассыплется в процессе, но обошлось. Кованая высокая калитка с душераздирающим скрипом отворилась. Дорожка, мощённая камнем, отличалась от остальной территории тем, что не так сильно заросла сорняками. По обе стороны от неё простирались сухие джунгли из бурьяна толщиной с мою ногу.

Она привела нас к довольно симпатичному, очень большому и прочному на вид флигелю. Второй ключ из связки был от внутреннего замка когда-то покрашенной двери, которую от сырости заклинило, да ещё и слегка перекосило на петлях. Пришлось применить крайние методы насилия над дверью, и она отворилась...

Мы озирали этот праздник торжествующей пыли, паутины и затхлости. Мэру было неловко, что не очень за муниципальным имуществом следят. Я молча думала, что у нас в России бесхозное столько лет имущество уже бы по кирпичику разнесли.

Тут даже мебель в чехлах стояла и нечто засохшее, колючее в кадке в углу. Прошлись по помещениям: приличных размеров квадратный холл имел справа и слева по три закрытых двери. Прямо в противоположной от входной двери стене была большая открытая арка, отделанная тёмным деревом в цвет панелей холла.

Мы прошли сквозь неё. Справа обнаружилась кухня с дровяной печью интересной конструкции, доисторической

эмалированной раковиной с латунным краном. Четыре ниши в стенах завешены полуистлевшими тряпочками, здесь же располагался длинный узкий рабочий стол и валялась стопка дырявых корзин.

Напротив кухни, слева, стоял очень массивный прямоугольный стол цвета красного дерева, на пузатых фигурных ножках. Венские стулья в количестве восьми штук были на него подняты. Широкий посудный шкаф с длинными открытыми полками, завешен тканью как и ниши с посудой. Высокий, выше обычного, комод с зеркалом над ним довершали обстановку столовой.

Комната, примыкающая к стенке кухни, ожидаемо оказалась санузлом с таким же допотопным, как на кухне, оборудованием. Полный комплект: чугунная ванна, эмалированная оббитая ржавая раковина, ватерклозет с системой «пожми руку другу» и тазы, тазики, корыто оцинкованное, стиральная доска в комплекте. Совмещённый санузел, но зато достаточно просторный, с коричневой плиткой на полу и крашеными жёлтыми панелями.

Дверь рядом с ним открывалась в жилую комнату, которая, судя по обстановке, выполняла роль кабинета. Двухтумбовый письменный стол, столешница которого была отделана тонким тёмно - зелёным сукном под рамочку, стоял одним торцом к окну. Красивая старинная бронзовая настольная лампа. Письменный прибор с ней в одном стиле. Перьевые ручки и чернильница. Три высоких, до потолка, книжных

шкафа, забитых плотно книгами. Конторка с деревянным письменным прибором. Большое потёртое кожаное кресло, такой же диван с валиками. Выцветшая карта Германии сорокового года издания на стене.

За следующей дверью спальня, протёртый ковёр на полу, резная старомодная этажерка с тумбой внизу, снова книги. Небольшой столик с настольным трельяжем. Узкая кровать, спинки узорные, кованого железа. Однако, какая старина! Напротив располагались такие же две жилые комнаты – спальни, более просторные. За третьей дверью наличествовала большая кладовая, деревянные стеллажи вдоль обеих стен, коробки, корзины, стеклянные банки.

В холле, недалеко от входной двери, справа, располагалась достаточно пологая деревянная лестница с широкими ступенями, перилами, площадкой; вела она вверх и вниз. Наверх мы поднимались с опаской, вдруг она сильно обветшала и ступенька проломится.

Чердак оказался мансардного типа с очень маленькими оконцами, но не в крыше, а наверху в стене. Массивные тёмные балки перекрещивались сложным узором, пространство под крышей обшито досками, стены грубо оштукатурены известию по камню.

Традиционно здесь пространство было захламлено старьём: рваные матрасы живописно сочетались с дырявыми корзинами, не менее дырявыми мешками, истлевшими узлами с рухлядью, пустыми бутылками, сломанной мебелью.

Густой слой пыли и паутины покрывал свалку истории дома. Мы прошли по краю сбоку.

Примерно посередине чердака находилась стена с низкой дверцей. Приличных размеров комната за ней была соразмерна с кухней и столовой вместе взятыми. Она располагалась прямо над ними, о чем свидетельствовала кирпичная кладка уходящей на крышу трубы и небольшой встроенный в ней камин. Комната неожиданно без мебели, без хлама, с одним большущим сундуком напротив камина.

Когда мы поднимались, господин Брункс шёл вторым, теперь же при спуске в подвал он шагал первым, я была тронута таким соблюдением этикета, он оберегал меня.

Лестница в подвал сохранилась хуже, некоторые ступени подгнили, причиной тому была сырость. Под самым потолком подвала немного выше уровня земли были продушины, из них шёл свет и воздух, но они мало помогали. На каменном полу были небольшие лужи. По центру шла узкая дренажная земляная канава с метр глубиной, уходящая за стену дома. На дне её была вода.

Мне стало понятно – в половодье подвал иногда затоплялся. Потолком здесь служили полы первого этажа, положенные на лаги. Стены в подвале были не кирпичные, а грубой каменной кладки, обмазаны толстым слоем глины с известью, впрочем, практически везде обвалившейся.

В углу стояли поставленные друг на друга рассохшиеся бочки разного размера, длинные деревянные ящики и опять

эти вездесущие корзины. Стеллаж был возле одной стены, его загромождали пустые стеклянные банки, стеклянные же крышки прижаты ржавыми металлическими зажимами.

Всё это великолепие покрывал толстый слой пыли, грязи, местами плесени. При входе был выключатель с поворотом, над входом лампочка. Я покрутила выключатель, он остался у меня в руке.

Поднялись наверх и вышли на свежий воздух. Беглый осмотр занял менее часа, мы не устали. Решили продолжить и пошли по внутреннему двору к основному дому, точнее мини-замку.

Сквозь бурьян просвечивали высокие каменные стены забора. Господин Брункс любезно пояснил: это не забор, а задние глухие стены хозяйственных построек: хлева, амбара, овчарни, конюшни, птичника. Выход из них для животных не через двор, а сразу на пастбище. Так удобнее, чище, нет запахов. К дому неотделимой частью идёт участок площадью без малого два гектара.

Моя любимица всегда мечтала обзавестись собственным болотцем, сейчас она закатила свои пучеглазки и твёрдо решила придушить меня влажными лапками, если я ей его не куплю.

Голос разума, он у меня мозгоклюйка тот ещё, тихо пискнул и угас. Приходилось держать контроль за троих. Я обзавелась питомцами на четвёртом курсе универа, выполняя задание профессора психологии Гесиода Абдуловича. Вы-

явить одну из ярких черт своего характера, извлекать из неё максимальную пользу.

Нужно было научиться смотреть на себя со стороны, что должно было помочь развитию многосторонней личности и самокритичности. А также привлечь скрытые резервы мозга. Я не захотела расставаться со своими помощниками. Привыкла. Очень удобно. Места всем хватит, работы тоже.

Тем временем мы подошли к чёрному ходу основного большого дома, в ход пошёл третий ключ из связки, совсем уже древний, большой и замысловатый. Закруглённая наверху тёмная дубовая дверь поддалась сразу, мне даже показалось, её толкнули изнутри.

Мы вошли и попали в подлестничное пространство обвалившейся лестницы, обошли его, остановились в приёмном зале либо большом холле, располагавшемся прямо по центру основного строения. Всё увиденное уложилось в одно слово – разруха.

Если снаружи издалека этот мини-замок производил впечатление стареющего, но ещё бодрого и опрятного человека, за счёт прочных массивных стен, внешне издалека вроде целой крыши, то изнутри было видно – он тяжело болен и доживает последнее столетие.

Проломленные межкомнатные стены, рухнувшие деревянные перекрытия, дырявая местами крыша и частично сгнившие балки, потёки на стенах с плесенью, кучи дотлевающей древесины, бывшие некогда мебелью. Остатки обоев

лохмотьями падали со стен.

Все окна выходили во внутренний двор и на фасад. Деревянные рамы источены древоточцем до состояния губки, по кладке кирпича видно – меняли форму оконных проёмов, увеличивая их. Это не пошло на пользу внешнему виду и прочности конструкций. Именно в этих местах выпали многие кирпичи. А ведь старая кладка стен была метр с лишком примерно. Вот зачем надо было ковыряться? Изнутри было по планировке видно, как постепенно пристраивался, прирастал когда-то дом. Над парадным входом когда-то был большой балкон. Сейчас от него осталась одна опорная балка и куча деревянных обломков прямо на каменном крыльце.

Мне было жалко дом - крепость, как родного очень старого человека, прадедушку, например. Понимаешь, что он скоро уйдёт, так эгоистично любишь и не хочешь отпускать. Было грустно, не ожидала, что мне придётся встретиться с домом, к которому потянулась всем сердцем, и тут же расстаться.

– Герр Брункс, Вы знаете, давно он пустует?

– Лет двести, Линда, ещё при дедушке моего дедушки тут никто не жил.

– Что ж Вы говорили не развалины, развалины и есть.

– Стены прочные, кирпич можно доложить, оштукатурить, крыша черепичная, поэтому так долго выдержала, её можно перебрать. Черепицу до сих пор производят.

– И так далее, и так далее... Нет у меня таких средств и

никогда не будет.

– Может, спустимся в подвалы, посмотрим, говорят, они старше всего дома, я ещё мальчиком там с братом бывал.

– Хотите детство вспомнить? Простите, нет желания, страшновато, вдруг что на голову упадёт или ступени рухнут.

– Может всё-таки документы посмотрите?

– Можно и посмотреть, если вас не затруднит, ведь это исторические документы? Мне как потомку интересно. В музее в руки такие вещи не дают.

Глава 5. Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек!

Уже в своем кабинете мэр извлёк из недр шкафа и подал мне старую кожаную папку с тиснением, довольно потёртую, большую и увесистую. Мне предоставили комнату с большим столом, зал заседаний, где я раскладывала бумаги по датам, как археологи снимают слои – от современности к древности. Я буквально обнюхивала эти старые манускрипты, гладила выпуклые печати, проговаривала странные имена.

Самый первый сохранившийся документ датировался тысяча пятьсот девятым годом. Это было завещание, где всё в неделимом виде передавалось от отца старшему сыну. Типично. Два часа спустя, под конец рабочего дня, тщательно изучив все старинные бумаги, я издала победный клич влюблённого тирольца!!!

В тысяча шестьсот пятьдесят первом году был возведён флигель, он был впоследствии продан тогдашнему управляющему. Старший сын барона унаследовал только основное здание с хозпостройками и землёй. Но мне мэр говорил, что продаётся замок, флигель и земля вместе.

Вот оно!!! Разделение недвижимости! Очень даже воз-

можно, что этот факт не выпячивался муниципальной властью в надежде спихнуть всё разом. Уверена, если бы это обстоятельство было обнаружено раньше каким-то более внимательным претендентом, флигель давно бы продали.

Им владели потомки управляющего, кстати, тоже Мюннихи, но без приставки фон, которые вновь продали его перед Первой мировой войной некоему барону Дитриху фон Мюнниху. Однозначно родственнику. Это позволяло мне законно купить выделенную часть, естественно, с пропорциональным уменьшением цены! О чём я тут же заявила запыхавшемуся господину мэру, который услышал мой вопль аж на улице.

– Видите, вот, вот и вот: разделение имущества, отдельная продажа и перепродажа, – возбуждённо тараторила я.

– Завтра, всё завтра, рабочий день давно окончен, приходите с утра, будем разбираться, – включил мэр с крайне недовольным видом режим чиновника.

– Согласна с Вами, утро вечера мудренее, до завтра, милый, милый герр Брункс!

– Весьма рад нашему знакомству, будем ждать, - натянуто-вежливо попрощался мэр.

Это «будем» меня насторожило. Вечером я никого не стала беспокоить, не принято. Рано утром, подняв свои прежние бизнес-связи, обзавелась рекомендованным юристом по недвижимости и нотариусом. С ними и предстала пред небесно-голубые очи господина мэра и городских чи-

новников: архитектора, юриста и секретаря.

Георг Брункс был неприятно удивлён тем, что явились мы целой командой. Мимика и жесты выдавали его с головой. Он беспрестанно крутил на пальце перстень старинной работы. Нервничал. Я его понимаю, для муниципальной казны это сделка века. Хотел обставить меня по полной, да не вышло!

Ценные документы снова извлечены из сейфа и... понеслось. Я только переводила глаза с одного оратора на другого, пыталась в контексте понять и запомнить новые слова. Право отдельной покупки флигеля с частью построек и небольшого участка, к нему прикреплённых, после знакомства со всеми документами никто не оспаривал.

Битва титанов от недвижимости за начальную цену продолжалась два с половиной часа, тайм-аут, кофе, ещё полтора часа. Победила, как всегда, вы-го-да! Гонорар моего юриста, кроме твёрдой суммы, был назначен в процентах от выторгованной цены. В то время как сотрудники мэрии торговались по факту рабочего времяпровождения.

Составили и тут же нотариально заверили договор о намерениях. Цена на торгах, где моим основным и единственным конкурентом была некая фрау Фредерика Лоренц, начиналась с восьмидесяти восьми тысяч евро и закончилась ровно на девяноста.

После торгов меня изрядно пощипали нотариус и налоговая. Наконец внесена запись в ведомство по регистрации

недвижимости Grundbuchamt, после чего я получила выписку из Книги регистрации собственности. В целом весь процесс покупки и регистрации занял около двух месяцев. Намного дольше, чем в России.

Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек! Йииииии, вот она – заветная бумажка! Я больше не букашка! Я владелица! Батут, мне срочно нужен батут, я не выдержу, меня сейчас разорвёт от счастья на много маленьких Линдочек!!! Голос разума, где ты, а-у-у? Нет ответа.

Чтобы сэкономить время, параллельно с оформлением купли-продажи я подавала документы: на натурализацию, на аренду основного здания у муниципалитета (за символическую цену), объявления на сайты волонтеров, на открытие бизнеса – вид деятельности «Экскурсии, сдача в аренду, прочие услуги».

Наличие недвижимости и желание делать деньги, платить налоги весьма приветствуется при рассмотрении причин натурализации этнических немцев. Экзамен на знание языка сдала без проблем, спасибо, дорогие близкие и далёкие предки! Я намеревалась добиваться статуса «поздние переселенцы». Они имеют исключительные права на получение гражданства.

Поздние переселенцы получают статус почти сразу по приезду. Термин «поздние переселенцы в Германию» в русском появился путем прямого перевода. По смыслу правильнее перевести Spätaussiedler как «возвращенец» или

«репатриант». В ФРГ понятие означает «мигрант с немецкими корнями».

Немцы переселялись из Европы в Россию на протяжении столетий. В их слободах веками сохранялась германская культура, религия и язык. Теперь их этнические потомки, живущие в России и СНГ, вправе получить статус Spätaussiedler – «поздний переселенец». Дряхлеющая Германия нуждается в молодой энергичной свежей крови. Положительное решение позволяет переехать и оформить паспорт этой страны.

Я писала одинаковые письма молодым родственникам, которых знала в соцсетях до пятого колена, приглашала провести осень в Германии, волонтерствовать в семейном гнезде, заодно близко познакомиться. Оставила заявки на волонтерскую помощь на самых популярных сайтах.

Было ощущение, что меня несёт бурным потоком на гребне огромной волны, и я ею управляю! Если это то, что чувствуют сёрферы, то первый мой отпуск я посвящу освоению доски!

Глава 6. Неожиданно свалившееся на меня богатство.

После перечисления средств на счёт нотариуса для завершения сделки я попросила разрешения проживать во флигеле и получила его вместе с ключами. Просто моя экономная Пучеглазка посчитала цену проживания в отеле за полтора месяца и цену клининга. Примерно равно, но при этом я получаю отмытый дом, в котором можно начать обустраиваться.

Приехала целая команда из Ольденбурга, семь человек: пять рослых девушек и двое крепеньких мужичков постарше. Водопровод не работал, таскали воду из колодца, немного грели на печи, плюс знаменитые «фирменные» чистящие-моющие-дезинфицирующие средства, спец.тряпочки, мощные пылесосы, парогенератор. Драили с чисто немецкой тщательностью три дня. Всё – от подвала до мансарды.

Почистили дорожку, она оказалась выложена ровным тёсаным камнем. Заплатить пришлось, конечно, дороже, учли сложность, запущенность, вывоз мусора. Все закрытые ящики просто обтирали снаружи. Не открывали шкафы, комоды, тумбочки, сундуки. Я дала такую инструкцию. Чувствую, после их разборки придётся ещё раз команду вызывать. В ни-

шах на кухне обнаружилось достаточно всякой посуды – столовой, кухонной, всё милое ретро, глина, фарфор, чугунная с эмалью. Медный таз для варенья с ручкой, ручная кофемолка, ступка, пестик для пряностей, старинные сковороды размером с колесо, чугунки, жаровни, формы для запекания. Вполне прилично после отмывания всё выглядит, послужит, в том числе для интерьера кухни.

Два дня я уже готовила на деревянной плите и кормила мою команду «чистильщиков». Когда я сказала, что кормлю за свой счёт и денег за продукты даже не возьму, мою благотворительность не приняли. В счёт кормёжки мужчины мне сделали много мелочей, не входящих в систему клининга: приподняли дверь, ступени кое-какие в подвале заменили, дорожку почистили, смазали петли, замки, много чего незаметного, но нужного. Мы расстались друзьями, сохранила контакты, знаю из прошлого опыта – всегда пригодятся. Даже не только как полезные связи, просто люди очень приятные. Я таких стараюсь из своей орбиты не выпускать.

Только после того, как я стала полноправной владелицей дома, посчитала возможным начать распаковывать многочисленные коробки, ящики, сундуки, чемоданы и прочие места хранения. Мне показалось странным, почему выморочное имущество не прошло строгую инвентаризацию либо опись, не предлагалось к продаже отдельно от недвижимости. Почему упустили? Видимо, посчитали, что хлам этот никому не нужен.

Ещё есть европейская традиция – дома продавать с обстановкой и всем содержимым. Конечно, хотелось рассмотреть раньше, но странное чувство неловкости останавливало меня, словно некто смотрит, как я роюсь в чужих вещах. Надо будет подарок сделать плюсом к гонорару юристу, всего лишь одна фраза в договоре «...со всем движимым имуществом, в нём находящимся...» сделала меня полноправной, законной владелицей, правда, пока неизвестно чего. Вот сейчас я имею полное право рассмотреть своё имущество.

Заколоченные прочные деревянные ящики обнаружили на чердаке, под той самой кучей живописного хлама. Видимо, уходя на войну, владельцы их упаковали и замаскировали таким образом, не особо надеясь на законопослушность воров, которые есть в любой стране. Я купила изящный дамский гвоздодёр, и дело пошло.

Неожиданно свалившееся на меня богатство возбуждало и опьяняло все чувства, Пучеглазка потирала лапки, несколько раз падала в обморок от восхищения, Голос Разума стучал по калькулятору.

Обнаруженное добро сразу делила на несколько категорий: оставить для пользования; раздать – подарить; продать на аукционе; выбросить; оставить для музея. Вещи, достойные аукциона, могли тоже стать музейными, но отчаянно нужны были средства на восстановление систем жизнеобеспечения дома: отопление, электричество, водопровод и канализацию, они не просто устарели – пришли в негодность.

Мне хотелось скорее сделать дом жилым и пригласить родителей, родню. В конце концов, Дымыча забрать, он, бедняга, на кофточке моей спит!

После споров и даже ругани мы, то есть Голос разума, я и Пучеглазка, выбрали для продажи сервиз столовый на шесть персон мейсенского фарфора, набор приборов столовых серебряных на двенадцать персон, несколько фарфоровых статуэток, вазы парные, часы каминные. Добавили портсигар с монограммой. Пара бронзовых, грубоватых подсвечников завершили отбор. Второй сервиз на двенадцать персон, более шикарный из-за неприличного количества позолоты, оставила как музейный экспонат.

Фамильных драгоценностей не обнаружила, видимо, такими вещами по чердакам не разбрасываются. Даже приблизительно не представляю цену этих предметов роскоши и старины, на это есть специалисты, обращусь к ним.

Категория «раздать, подарить» исчезла, сама по себе перешла в музейную. Вещи, предметы уже в силу своего возраста, даже тридцатых, сороковых годов, стали антиквариатом. Например, ночная ваза из лимонного цвета фаянса с ручкой в виде цветочного венка. Кувшин и таз на ту же тему. Кожаный кофр, несессеры мужской и женский, дамские сумочки сохранились прекрасно, их смазали кремом, бережно упаковали когда-то сверху коллекции холодного оружия в ящик, обитый жестью.

Были вещи, назначения которых я не понимала. В фанер-

ном чемодане, он сам по себе экспонат, предусмотрительно сложенные в жестяные коробки из-под печенья, зефира, хранились альбомы и дневники, письма, чьи-то старые документы, свидетельства о рождении, о смерти, брачные свидетельства, аттестаты. Их буду разбирать позже, так же как и очень старые книги.

Вещи на выброс тоже имелись, накопленные за несколько десятилетий, может, и за сотню лет. В основном одежда из шерсти, шубы, пальто, ковры, одеяла, пледы, несколько рулонов разных хороших тканей. Было понятно, вещи когда-то дорогие, статусные, качественные. Но время не щадит натуральные материалы, особенно кашемир, шерсть. Мешочки с нафталином давно выветрились. Моль превратила всё в решето. Заскорузлая обувь была изъедена мышами. Всё это и подобное я сразу паковала в большие мусорные пакеты и бросала в окно, под которым поставила контейнер, чтобы не таскать пыль по дому. Глубоко несчастная Пучеглазка рыдала и чихала.

.

Глава 7. Кто ты, Линдхен или Лидочка?

Большая часть обнаруженных сокровищ украсит мой дом, будет жить в нём, использоваться повседневно. Сундук с заливой воском щелью под крышкой оказался заполнен доверху столовым и постельным бельём, портьерами. Всё ручной работы. Изготовлены предметы из прочной льняной ткани, холста, чудесно украшены мережкой, ришелье, вышивкой, обшиты кружевом.

Держа вещи в руках, пыталась представить, как с любовью их делали, с гордостью показывали завершённую работу, принимали похвалы. Кто они, эти девушки и женщины — рукодельницы? Ваш труд снова увидят люди, он согреет им сердце, удивит.

Сохранность белья меня потрясла, ведь ему не менее ста лет! Способствовала этому хорошая естественная тяга на чердаке, в отличие от подвала, здесь было сухо. Интересно, можно ли будет использовать? Взяла пару полотенец и салфетки, бережная стирка покажет прочность ткани. Фарфоровые безделушки, хрусталь, статуэтки из бронзы, подсвечники — всё займёт свои места на милых салфеточках.

Весь дом я планировала оформить так, чтобы можно было не просто радостно жить в нём, но и принимать небольшие

экскурсии один раз в неделю. Вот телефон экскурсовода Баты и пригодится.

Проверка шкафов, комодов, прочих вместилищ на первом жилом этаже показала, что хозяева здесь не закладывали вещи на хранение — всё на виду, хуже качеством, не представляет особой ценности и сильно изношено, использовано либо вовсе пришло в негодность.

Было жаль красивые когда-то платья с богатой отделкой: бисер, вышивка гладью, дорогие ткани. Наряды явно балльные или вечерние, примерно девятнадцатого, начала двадцатого века, они висели на плечиках, укутанные простынями, моль поела шёлк. Оставляю, вдруг найду реставратора.

Шляпные коробки ожидаемо заполнены шляпками, ох уж эти предсказуемые немцы. То ли дело у нас, русских: соль в баночке из-под перца, на которой написано кофе.

У кого «у нас»? Кто ты, Линдхен или Лидочка? Так называла меня русская бабушка. Немка с русской душой, русская с немецкими корнями? Противоречия двух линий моих предков раздирали меня. Гордость за мастеровитых инженеров, строителей, аккуратисток-домохозяек, известных учёных и одновременно жгучий стыд за народ в целом, допустивший нацистов к власти.

Ненависть к фашистам, к другим историческим германским захватчикам земли русской, потомком которых я, несомненно, являюсь. Ненависть к части самой себя? Если бы я могла предотвратить блокадный Ленинград! Готова отдать

жизнь, зная за что...

ГР, что тебя на философию потянуло? Отвлекаешь тут от работы. Арбайтен!

В кухне был набор чугунной посуды с эмалью, кастрюли, жаровня. На дне посуды рельефная надпись указывала дату производства — тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Если владельцы флигеля не вернулись с войны, кто тогда купил, использовал и оставил здесь посуду?

В нижнем ящике комода обнаружила аккуратно заштопанные женские колготы хлопчатобумажные и шерстяные. Их не носили в сороковых годах. Ещё несколько таких нестыковок убедили в том, что мне не всё рассказали о последних жильцах дома. С господином мэром мы виделись часто, есть к нему вопросы.

Начали поступать отзывы с волонтерских сайтов и от моих родственников, немного. Братец мой троюродный ответил: «уборщиков навоза и чернорабочих со знанием немецкого ты за бесплатно точно не найдёшь».

Да, я задала жёсткие критерии. Честно написала, чем придётся заниматься: разгребать завалы из обрушившихся конструкций замка, ставить опоры, убирать навоз, точнее перегной в сараях, полоть, насыпать дамбу, чтобы от реки отсечь воду, сажать деревья. Делать ремонт в доме.

При всём при этом знать немецкий язык, без вредных привычек и быть физически крепким. Обеспечиваю проживание, питание. За работу не плачу. В выходные два дня вожу

на экскурсии по окрестностям. Планировала отобрать шесть человек — девушку на хозяйство и пять парней. Больше мне не разместить. Пять жилых комнат вместе с кладовкой, там я поселюсь, она меньше по площади, есть окно. Нужно докупить кровати, постельные принадлежности.

Выставила на аукцион — здесь торги проводятся в режиме оффлайн, пока только парные вазы и каминные часы. По просмотрам виден большой предварительный интерес к лотам. Остальное пока придержу.

Глава 8. Родня и бывшая родня.

Три месяца со свистом пролетели, нужно выехать в Россию, виза не позволяет находиться в стране дольше девяноста дней за полгода. Достаточно просто побыть немного в своей «резидентуре» и всё, можно возвращаться обратно.

Но гражданство Германии не за горами. Возвращалась к маме с папой, больше некуда. Еще на стадии приобретения дома обратилась к родителям с просьбой сдать владельцу арендованную квартиру, попросила продать-пристроить некоторые вещи. Их, впрочем, было мало, не успеваю я, как тот камень, мхом обрасти, часто перемещаюсь.

Родители у меня люди эмоционально сдержанные, однако радость от встречи с дочей, которая так удачно после очередного развода пристроилась, была через край. Бабуля, папина мама, напекла хрустящих, румяных драников, они лежали на широком овальном блюде, золотистые ароматные солнышки. Дымыч забрался по мне на плечо и устроил там временную резиденцию для слегка обиженных котов. Ночью облюбовил меня с головы до подмышек. «Где шляется, хозяйка, — мурчал-ворчал он, — вон какая грязная, чужим нерусским духом пахнешь!» Он, как все порядочные коты, был хранителем семейных традиций и не мог простить, что я на время оставила свой уютный «корабль» и отправилась в чужие воды.

Были приглашены ближайшие в смысле проживания к Выборгу родственники, коих набралось изрядно, четырнадцать человек, даже на юбилее у папы было только восемь. Оно и понятно, главный вопрос: как можно там устроиться, как тебе удалось? — витал в воздухе.

Не все уехавшие в своё время родственники прижились, две семьи вернулись после долгих странствий в родную гавань вновь. Некоторые, как мои родители, например, даже не думали никуда трогаться, они крепко вросли корнями в родную землю.

Русское застолье весьма способствует долгим разговорам. Ехидный троюродный братец Андрюша, то бишь Андреас, тоже явился, словно яркая звезда на небосклоне семейного праздника.

Он у нас крутящий байкер, ещё закончил ФРГФ, аспирантствует и кропает диссертацию «Особенности художественного перевода романтических баллад со старогерманского языка на русский и французский языки». Представления не имею, как мужик может такими вещами всерьёз интересоваться.

Сказал, что в перерывах между чисткой навоза и колкой дров баллады будет не только переводить, но и сочинять. Человек творческий, работал он в стол, будто птица, которая поёт не для других, а для себя. Улетаем через неделю вместе, ура! Сколько можно самой воду носить. Брат запланировал на автомобильном рынке в Гамбурге новый байк себе

прикупить, он как охотник искал идеальный трофей для своей коллекции. Этот будет уже пятый. Дорогое удовольствие. Брат называет их «мои инвестиции».

Ой, еще Дымычу документы надо выправить, прививки сделать, от всех паразитов, которые могут в квартире напасть, обработать. Вспомнишь паразитов... О! Третий бывший звонит, телефон я и не думала удалять, мало ли как б/у мужа можно еще раз использовать? Оказывается, использовать хотели меня.

– Да, живу в Германии, довольна, всё норм. У тебя как?

– Лидок, давай...

– Меня зовут Амелинда! Пожалуйста, короче, я в ветеринарке.

– Что с Дымычем??? Я же умолял: отдай мне!

– За этот вопль котофила я всё тебе прощаю. Но на растерзание твоим детишкам не отдам. Прививки просто делаем, я его увожу. Чего звонишь?

– Если короче, то давай возобновим наш совместный бизнес как деловые партнёры. Дела стали, никак без оборотного капитала. Я ведь долю твою выделил. А рынок сейчас кушает всё.

– Я дом купила.

– Ты же умная, составь бизнес-план, кредит возьми.

– Гера, вот ты изыщешь хотя бы семь – восемь миллионов, тогда я с тобой готова говорить. Как в прошлый раз: на первоначальные средства моих родителей, с моим планом, с

моими деловыми поездками, переговорами, торгом, а потом бизнес пополам — не выйдет. Всё, пока, наша очередь.

Да, мне нужен серьёзный бизнес, на экскурсиях и психологических консультациях реставрацию замка я не потяну. Валеру как прищемишь, так он, вместо того чтобы орать (в смысле пахать на древнеславянском), сразу ищет способ поудобнее устроиться. Интересно, за что его Милочка прищемила? Мой бывший слишком много времени проводил в облаках, она сумела спустить его с небес на землю.

Прощались с родителями как-то легко, они были в предвкушении весенней встречи у меня в Хаггене и только об этом говорили. Улетали мы с Андреасом; девушка, как две капли воды похожая на анимешку, пришла его проводить, на прощание сказала: «Мы расстаёмся».

Весь полёт косилась на него, вместо расстройства у него на лице была видна работа мысли.

– О чём думаешь, Андрюш?

– Балладу о расставании сочиняю, не отвлекай! Еще удивлён, хотя...

– Да договаривай уже.

– Гладко всё слишком у тебя прошло, Линда, у судьбы бесплатного сыра даже в мышеловке не бывает, а на халаву он достанется только второй мышке.

– Мау!

Меланхолично, басом поддержал его кот из-под сиденья. Я задумалась. И крепко заснула.

Глава 9. Аукцион и его итоги.

На аукцион я успела впритык, как всегда, меня только и ждали, чтоб начать. Было немногочленно. Солидно, респектабельно, несуетливо. В принципе, мне как продавцу было совершенно необязательно присутствовать. Только зовут меня Линда, а нос у меня так-то Варварин. Покупатели пришли на товар посмотреть, я — на них.

Хотя бы визуально познакомиться с этой категорией людей, что могут себе позволить такие вещи: антиквары, потомственные коллекционеры и олигархи не входили в круг моих клиентов. Мои психологические консультации стоили не настолько дорого, чтобы привлечь эту категорию. Автомобили подержанные тем более. На самом деле у меня просто не было выхода в эту немногочисленную прослойку населения нашей страны. Искала, не нашла.

Парные вазы севрского фарфора после ожесточённых торгов трёх основных претендентов ушли за немыслимую для меня цену: почти двенадцать миллионов рублей, если перевести по курсу евро; часы каминные — три миллиона двести сорок тысяч рублей. Остальные лоты моя жабка быстренько сняла с торгов, к немалому разочарованию организаторов и участников. Мне достаточно этих средств. Просто я не ожидала таких высоких цен, не понимала истинной ценности, поэтому выставила несколько лотов.

Организатор аукциона — дама в крупных жемчугах и лицом со сложным, как у шарпея, рельефом, предлагала всегда к ним обращаться на особо выгодных условиях. Я представилась наследницей баронов фон Мюнних из России. Сказала, что визитки на немецком ещё не готовы, сделала себе памятку — заказать.

Разочаровала даму тем, что продажу фамильных ценностей более не планирую. Если только очень уважаемым и известным ценителям, по очень серьезным ценам... Я, кстати, ещё высокостатусный специалист — психолог. Имею большой опыт работы и образование русской классической школы. Начинаю прикармливать местную рыбку. Однако диплом придётся подтверждать.

Вырученных на аукционе средств мне достанет и для налоговой, и на отличный ремонт, и на возобновление бизнеса, если «партнёр» вложит свою долю. Не буду огорчать милого герра Брунка, ничего про ценные находки пока не скажу. Со временем хочу выкупить замок.

Закончился отбор кандидатов в волонтеры, я разослала приглашения. Андрей уже всю хозяйствовал. За два дня, пока я средства на аукционе добывала, обустроил навес из подручных материалов над поленницей, инструменты плотничьи где-то нашёл, бензопилу приобрёл. Добавилось колотых дров из очень старых тополей, они угрожали постройкам.

Какая бы профессия, образование ни были у мужчин на-

шего рода, работать руками все умеют, предок, что ли, сильно при передаче генофонда постарался? Как будто каждый из них — это продолжение мастера, передавшего не только знания, но и неукротимое стремление к созиданию через труд.

— Кровати собрал?

— Ты где это старье откопала? Собрал, от ржавчины почистил, матрасы односпальные по размеру подошли.

— Это ретро, братец, понял? Ты мебель, посуду видел, в доме всё должно быть в едином стиле.

— Ладно, стильная ты моя систер.

По дому вместе с Дымычем, который всюду его сопровождал, уже шебаршился прораб, составлял план работ. Задача ремонта только из аутентичных природных материалов по согласованию с главным архитектором Ольденбурга его напяргла. На вопрос по смете я ответила коротко: «Не стесняйтесь».

Пан вдохновился, даже морщинки на высоком лбу засияли. Думаю, солома, черепица, местный кирпич, камни, известь, доски и глина меня не разорят — из этого можно создать что-то уютное и тёплое, как домашний очаг. Сантехнику всю куплю ретро, просто уровнем повыше имеющейся — как изысканный антиквариат, который добавляет шарма и индивидуальности. Поищу на блошиных сайтах, как настоящий кладоискатель, в поисках сокровищ. Электропроводку сделаем наружную, штробить нельзя, выключатели, розетки

будут фарфоровые. В этом процессе я чувствую себя, как художник, создающий картину из разных элементов, где каждый штрих, даже маленький, важен и значим.

Совершенно ошеломила новость о системе «тёплый пол». Те дырочки в кафельных плитках, вделанных в половицы по всему периметру комнат, кухни и холла, оказались не вытяжкой, а выходами для горячего воздуха.

— А горячий воздух откуда?

— От печи, Линда, от печи.

— Как он попадает туда?

— По трубам.

— По каким ещё трубам, я нигде труб не видела.

— По керамическим, они под полом.

— В подвале нет труб.

— Доски пола первого этажа дубовые, между прочим, под ними трубы, а в подвале лаги из лиственницы, на них потолок подвала тоже из лиственницы. Двойное дно, слышала?

— Надо же. Ты и в древесине разбираешься?

— Прораб сказал. Завтра проверять отопительную систему будут, молись, Линдхен.

А завтра мне уже было не до вчера. Меня и Андреаса ждал огромный авторынок Гамбурга и встреча в аэропорту троих волонтеров. В дороге у меня было чувство, как будто не могу поймать за хвостик ускользающую мысль.

Глава 10. Волонтёры, спустившиеся с небес!

Снова, как рыба в воде, лавирую между авто, уже не для бизнеса, для себя хорошей. Интересуют только «Опели», один владелец, желательно дама, и год издания не ранее две тысячи девятого. Выбор есть, и я постепенно, кругами, как акула в поисках добычи, наворачиваю уже только возле двух экземпляров.

Черный красавец цвета «умри с тряпкой» блестит боками, как молодой породистый жеребец-трехлетка, подготовленный к скачкам. В торге моей Пучеглазке нет равных, основную долю прибыли в автомобильном бизнесе делала она. Андрей затерялся в мотоциклетных рядах, вот и он: гордый и красивый оседлал легендарного «Харлея» в цветах пламени. Опять, наверно, все деньги спустил. В долг точно просить будет.

Встречать волонтёров в аэропорт еду уже на своём авто с «сопровождением». Волнуюсь, какие они будут? Разговоры по скайпу – всего лишь разговоры. Надеюсь, моя дипломная методика подбора по совместимости в малых группах хоть чего-то стоит. До прилёта есть ещё час, позвоню прорабу.

– Как там опрессовка отопления, идет?

– Контрольная протопка называется. Всё прошло нор-

мально, дом прогревается отлично, дров ушло немного. Но печь с плитой надо переложить, просто чтобы новая была.

– Да, в сентябре топлива надо немного, хотя зима тоже, надеюсь, будет европейская.

– Тут Вас сюрприз ждёт.

– Что за...

– Сюрприииизз!!!

Ну вот и они, идут мои красавчики! Волонтёры, спустившиеся с небес! Держатся группкой, уже показательно. Она в центре с гигантским малиновым чемоданом, и парни по краям с рюкзаками. Живописно. Даю сигнал, синхронно поворачиваются и, увидев меня, прямо светятся от улыбок. Ангелочки мои! Обнимашки, чмоки-чмоки! Наша радость от встречи вживую заполняет всё вокруг, мир становится добрее и лучше!

– Ида, Северин, Михаил, наконец-то, я уже, честное слово, жаждалась! Так рада, так рада! Грузимся, располагаемся.

– Амелинда, Амелинда!!! Вам так подходит Ваше имя! Вы внешне прямо настоящая немочка!

– Ида, давай на ты, ребята, отнимите уже у неё чемодан. Знакомьтесь, мой брат Андреас. Рассаживаемся.

– Пирожки остались, МА пекла на дорогу, неудобно было в самолете чавкать, будете?

– Чав, чав – чав, ЧАФК!

Крупный Северин расположился на переднем сиденье, Ида и Миша – на заднем. Ярко освещенная трасса, здания

с подсветкой, даже ночью можно многое увидеть. Так, жуя умопомрачительно вкусные пирожки, обмениваясь впечатлениями от увиденного и дружно смеясь над каждым пятым словом, мы глубокой ночью добрались до Хаггена.

В дом зашли по возможности тихо, потому что, оказывается, сюрприз был моим четвёртым ангелочком, добирался автостопом, уже спал в комнате. Мы, девушки, заняли вторую спальню на этом же этаже. Мишу с Северином отправили наверх.

В доме было очень тепло, чувствовалась влажность, так будет, пока всё не просохнет. За лето не отапливаемый дом из года в год не успевал просушиться, система отопления, пережившая почти два столетия, справится с проблемой примерно за месяц.

На столе в столовой лежала смета ремонта на согласование. Подпись пана прораба: Матеуш Новак! Ну вот как я прозвище ему дала в точку? Как почуяла в нём поляка, ведь шпарит по-немецки лучше меня. Ладно, согласовано. В смету мы укладывались, оставалось даже на самые крупные непредвиденные расходы.

Нужно отвезти в скупку золото, самые простые, не имеющие художественной ценности изделия и малюсенькие слитки. Я еще в Выборге поделила на четыре части свой золотой запас, чтобы не превышал разрешенной к перевозке без таможенного сбора нормы, две части перевезли с братом, и две привезут мама с папой. Или погодить пока?

Мысли постепенно перешли от ценного к бесценному – к людям.

Ида. Самонаводящаяся в цель мимимишная стрела.

Цель – выйти удачно замуж в Германии, стать через три года гражданкой, забрать из Казахстана маму и младшую сестру. Наполовину от папы казашка, от мамы немка. Двадцать четыре года, окончила техникум дизайна, квалифицированная закройщица, швея, кружевница, вышивальщица. Зарабатывает пошивом костюмов для реконструкторов и национальных одежд для традиционных казахских свадеб. Шьёт и обычную одежду, берёт дорого.

Работала волонтером в Доме малютки. Главный недостаток – в избытке красоты и оптимизма. И еще странность: несоответствие внешности характеру. Он у неё, как бы точнее сформулировать... Если шаблонно, то блондинистый. Модный, в общем, характер, много наносного, но за этим скрывается что-то своё.

А вот внешность роковой красавицы. Смуглая оливковая гладкая кожа, чёрные густые волосы до лопаток, тёмно-карие, почти чёрные глаза – папино наследие. Черты лица – утончённо европейские, от матери, те же глаза – миндалевидные, большие, без эпикантуса, прямой небольшой тонкий нос, нежный удлинённый овал лица, высокие скулы и по-настоящему, без силикона пухлые губы от природы яркого тёплого цвета. Рост средний, а фигурка словно очерчена удлинёнными изящными линиями, что значит талантливая

портниха!

В общем, убийственное сочетание для мужской части моего коллектива, когда они работать будут? Вон братец кролик уже запал. Одна надежда – цель Иды. Но кокетничает она, будто дышит! Как она склоняет набок голову, а как говорит простое слово «Да»..., накручивает на пальчик локон... Это нечто из жанра эротическая поэма.

Северин Герасимов – мы стали звать его Север, с чувашских краёв, из забытой государством деревни. Из чистых немцев в родне только бабушка матери, приехала в пятидесятых годах с мужем военным в СССР. И такие трофеи с войны привозили, да.

Язык знает хорошо, в детстве и юности прабабушка с ним только на своем родном разговаривала, в школе заменял учителя немецкого, когда тот уходил на запойный больничный. После армии решил попрактиковаться в языковой среде, потом поступить на учёбу в Германии. Хочет вырваться из депрессивного региона, после смерти прабабушки никто и ничто его там не держит.

Я только не поняла, где все остальные родственники, спрашивать не стала, всякое бывает. Он мечтает стать инженером-судостроителем. Хотя выучился на агронома и зоотехника. Разносторонний молодой человек. Северу двадцать один год, он отслужил в армии, крупный, медлительный, немного неловкий, про таких говорят – увалень.

Белобрысый, сероглазый, нос уточкой и резко очерченные, будто каменные скулы. Волонтёрствовал еще до армии, когда учился в сельскохозяйственном техникуме в Чебоксарах, помогал в благотворительной столовой. На Италию вроде бы не среагировал, но... Есть сигналы и жесты, их от психолога не скроешь. Чему удивляться, природа. Увлекался он рисованием, окончил курсы дополнительного образования в своей столице. Были вполне приличные акварели, у него получалось кистью передать эмоции модели, обещал портреты наши написать.

Михаил, точнее Мисаил, был самый старший в нашей компании, ему стукнуло сорок. Он хотел сменить вид врачебной деятельности, тоже подтянуть язык, на следующий год подтвердить диплом. В обозримом будущем ему светила работа хирургом в клинике в Берлине, куда приезжали русские. Там работал его дядя по матери.

Святая еврейская традиция – хорошо размножаться и пристроить всех своих родственников, поддерживать соплеменников, помогала этому народу подниматься вновь и вновь после погромов и геноцидов. Миша Михалевич пока нарушал традицию, не размножался, что беспокоило его маму. Во всей Казани не нашлось достойной его евреечки, мамин наказ был подыскать оную в Германии. Хоть тут Иде спокойнее будет.

Теловычитание и независимое выражение лица Миши говорило о том, что он живёт отдельно от мамы. Склад ума у

него был критический, а вот цинизма, свойственного многим медикам, в нём не было ни на йоту. Его очень ценили сотрудники дома престарелых, куда он приезжал к старикам в выходные, проводил осмотры, обрабатывал пролежни, давал консультации фельдшеру, помогал купать старичков.

Увлечение Мишино – баня, во всех известных истории человечества видах и разновидностях. Он фыркнул на мой чудесный санузел девятнадцатого века и начал искать во дворе место под будущую баню.

Сюрприз по имени Виктор Кох был из поволжских немцев, от роду двадцати восьми годов, никаких планов по освоению германских земель он не имел, в Германию подался с интересными людьми познакомиться, весело и с пользой отпуск провести. Поэтому поехал автостопом, набраться дополнительных впечатлений.

Он тоже, как Ида, работал с реконструкторами, выполняя заказы на изготовление оружия. Меня привлекла его профессия – кузнец художественнойковки, она же и единственное хобби. Пока остальные будут заниматься разгребанием вековых завалов, Витя будет в деревенской кузне выполнять мои заказы для реставрации замка.

Внешность Витина для кузнеца подходила, этакий круглолицый рыжий крепыш, роста, правда, очень невысокого. В свободное время он помогал в восстановлении сельского храма. Хорошая мы команда и дел наворотим, ух! С этой мыслью ушла в сон, где упитанная грустнаямышь давилась

куском сыра...

Глава 11. Жить рядом с замком и не обследовать его – нонсенс!

Да что же это такое, в Сахаре и то прохладней! Температура и влажность в доме приближались к турецкому хаммаму. Это Миша, знаток банный, с утра всех просветил. Печь исправно отапливала два этажа, сырость шла с подвала.

Нужна дамба, до холодов завалить чёртотвод от реки ко рву, перешеек вполне можно за день сделать, нанять экскаватор. Ну вот на фига нужен этот инкубатор для комаров и пиявок? Кому в голову пришло его выкопать? Не со средневековья же он здесь остался? Поскольку ров – явление искусственное, на его засыпку владелец земли разрешения не спрашивает. А вот мы до завтрака звоночек, и ещё звоночек!

– Йа! Йа! Сумма устраивает, ждём!

Ничего, здесь очень рано начинают работать, это мы завтракаем в десять часов.

А что мы кушаем? О-о-о, нюх-нюх-нюх! Идочка, а куда столько? На весь день наготовлено, пока печь топится, ясно. Всё, этот фронт воюет уже без меня, только продукты подвозить. Андрюша, пронира, уже водоносом, истопником и овощечисткой пристроился. Север пробовал предложить свои услуги, но был вытеснен более опытным конкурентом.

О, к нам господин главный архитектор с паном Новаком

скоро придут. Инструктаж на месте, что можно, что нельзя делать и переделывать в историческом памятнике. Согласование архитектурного плана, графика работ. Заодно про дамбу вопросик, так между делом. Здесь мне самой надо быть.

– Витёк, поел? В кузню, милый, в кузню, обед с собой берёшь, намёк понял? Ждут, ждут, договорилась. Аренду им за две недели вперёд проплатила, используй наше время по максимуму.

– Ида, Север где, знаешь?

– Взял мольберт, пошел к замку.

– Работы полно, тоже мне, художник от слова «худо»!

Отправила Мишу за Севером, разбредаться по своим делам не время. После полудня приедут рабочие трубы менять, наше участие позволит ускорить ход работ. Закрутилась совершенно: дела, звонки, бригада с трубами уже дружно выгружалась. Где ребята? Час прошёл. Забыла, кого за кем послала. Всё надо самой делать! Уф!

Мольберт возле замка стоял, парней не было, наличествовали выломанные трухлявые доски в заколоченном окне недалеко от двери черного хода. Голову в окно, знакомая картина – лестница, тот же вид, только сбоку.

Мой зычный рявк потряс своды памятника старины:

- Северrrr! Миии-ша!

Голуби сорвались со стропил, взметнули пыль и помёт. Следы в пыли четко показывали направление хода мыслей

нарушителей дисциплины. Что в старом здании самое интересное? Правильно! Сердце каждого старинного замка - подземелье. Чертыхаясь на немецком (пора осваивать ненормативную лексику), залезаю в окно, по следам-следочкам к идущей вниз лестнице. Она каменная, прекрасно сохранилась. Мой второй вопль с последнего пролёта, наверно, дошёл до инфаркта подвальных крыс и возымел действие:

– Идееём!

Головы искателей приключений были похожи на пипидастры для собирания пыли и паутины, одежда в хлам грязная, глаза жмурились, но точно не от стыда. Назначила обоям двойной наряд: кроме рытья водопроводной канавы – ещё вечером на кухню. Как говорится, испугала козлов капустой, то бишь красоткой Идой.

Вечером, укопавшись, намывшись и наевшись, команда подняла вопрос: жить рядом с замком и не обследовать его – нонсенс! Честно говоря, давно самой хотелось, но некогда было, да и страшно вато одной, не в смысле мистики какой, а по технике безопасности. Столько там всякого хлама, того гляди рухнет, провалится.

Решили не откладывать приключения, завтра, пока будут делать монтаж труб, мы, неквалифицированная рабсила, не нужны. Соберёмся в поход как следует, снаряжение возьмём, сходим, собьём оскому, чтобы потом о деле думать.

Снова снилась мышь, сыра уже не было, она грызла моё золото. Хвостом к себе подгребала и точила... Дрянь та-

кая! Гыр тихонько, стараясь не разбудить хозяйку, бормотал: «Сон надо обдумывать и запоминать, мозгом, сразу, не просыпаясь. Хвост, мышь, мышль, мысль... О! Мысль хвоста, нет, хвостик мысли, откуда растёт хвост? От задницы мыши, а мышь где? В подполье».

Глава 12. Искатели приключений.

– Па-а-а-а-дъём!!!!

Да чтоб вас всех приподняло и пришлѣпнуло! Не терпится, искатели приключений.

– Народ, а к чему мыши снятся?

– К чуме!

– Тьфу на тебя, Миш! Помолчал бы, за умного сошёл.

– А что ты, Витя, такой заносчивый стал, как гаишник с престижного перекрёстка?

– Возьму воды, кофе и бутеры сделаю, вдруг задержимся.

– Форма одежды: рабочая – удобная – тёплая. Кто снаряжение готовил?

– Я, систер, всё в порядке. Идѐм уже, вон Север извѣлся ожидаючи, вчерашних впечатлений ему не хватило.

Топая замыкающей по центральной дорожке внутреннего двора, я удовлетворѐнно оглядывала прополотую песчано-коричневую землю, посаженные мной многолетние цветы и молодые саженцы яблонь, груш, слив и вишен, купленные в питомнике Хаггена. Даже свой питомник тут близко есть. Удобно. Все растения с ЗКС, поэтому приживаются хорошо. Мама приедет, порадует. Обязательно ещё чего-нибудь посадит.

Бригада ещё не подъехала, однако металлические трубы были подготовлены рядом с траншеей. Рабочие сделали мо-

стик из досок, непонятно зачем, траншеею можно было переступить широким шагом. Одно слово – немцы.

В окно лезть не стали. Открыла раритетным ключом знакомую дверь, потопали гуськом, аккуратно убирая валяющиеся доски, кирпичи сразу в стороны. Перекрытия рухнули, открывая взгляду почти весь объём здания, из каменных стен торчали обломки почерневших деревянных балок, на которых ранее крепилась деревянная же лестница.

Но вниз вела лестница из камня, с протёртыми за века углублениями от ног в ступенях. Сколько раз, сколько ног топталось по ним? Вверх-вниз по нужным делам сновали люди. Интересно, какие они были, что делали, чем жили? В Бахчисарае точно такие же стёртые ступени. Помню, в Белгород-Днестровской крепости на экскурсии я отстала и долго стояла возле камеры для заключённых, тихо горевала об их судьбе. Просто очень глубокая яма с решёткой наверху. Преступники, пленники могли видеть небо.

Тут в подземелье, наверно, тоже кого-то держали в заточении, раньше подвалы в замках использовались не только для хранения продуктов, но и как темница, ужас ужасный. Погрузившись в мысли, наткнулась на спину Виктора.

– Все подтянулись? Вперёд!

Звонкий голос Иды здесь звучал то громко, то глухо, было странное, не затухающее, а усиливающееся и резко замолкающее эхо.

Налобный фонарик впереди идущего Севера далеко бил

под своды длинного тоннеля, мы светили по сторонам и под ноги. Повторяющиеся через каждые восемь шагов сводчатые комнаты – ниши в каменной кладке, когда-то были с полками, даже дуб источило время и жуки. Вот держатели для факелов в стене, почти рассыпаются от ржавчины. Каменный пол влажный. Виктор оскальзывается, рука его задевает стену, она тоже сырая, в потёках чего-то внешне гадкого. С руганью вытирает руку о штаны.

– Вить, на немецком языке это будет «Donnerwetter! Dingsbums». Миша, Север, вы вчера докуда дошли?

– До самого конца, до тупика, то есть.

– И что там?

– В конце тупика тупо сплошная стена!

– Ой, ну вот не остри, Север.

– Какой умный и красивый чувашский мальчик. Наверное, еврей!

– Андрей, это была моя реплика!

– И рядом яма, может, колодец или бывший ледник, глубокая, с телефонным фонариком не полезли, и ты начала сигналить, вернулись.

– Мальчики, вы в эти комнаты сбоку заходили?

– Нет, не успели.

– Предлагаю их сейчас обследовать, вдруг там есть интересное что-то, а мы мимо проходим.

Кто бы Идочке возразил, как по команде развернулись! Пошли в обратном направлении, заходя в каждую комнату.

Железных вещей не было, железо во все времена ценность, так просто не валяется. Кругом были останки рассыпавшихся бочек, без обручей. В третьей от лестницы комнате в углу глинистая почва вроде перекопана, виднелись две неглубокие, полу затянувшиеся ямы.

Надо будет потом с металлоискателем пройтись, люди что-то искали, вдруг не нашли? Нам оставили. Первая комната была самая сухая, здесь в сводчатом потолке была продушина. Потом перешли на противоположную сторону, заходили и внимательно осматривали помещения. Это явно кладовые различного назначения.

В стене между двумя кладовыми обнаружился очень узкий, шириной примерно в метр двадцать коридор, скорее даже проход. Он привёл нас к небольшой площадке перед двумя древними, совершенно трухлявыми и очень низкими дубовыми дверями.

Наличие оконца в дверях не оставляло сомнения в первоначальном назначении помещений. Всякий уважающий себя владелец замка имел собственную тюрьму. Замков не было, деревянные засовы давно рассыпались. Михаил медленно, аккуратно приотворил дверь. Мы с облегчением выдохнули – скелетов не было! Всё те же атрибуты: хлам, ветошь, гнилые доски.

Глава 13. Дел тут на пять минут...

– Давайте решать: сейчас возвращаемся, лучше завтра продолжим, или ту яму пойдём проверять?

– Линда, чего тянуть, всё равно мы вывозились, потом заняты будем.

Это самый молодой среди нас, приключенец Север, рвётся к открытиям.

– Мы девушки нежные, подустали немного. Два часа уже ходим. Давайте хоть кофе попьем, бутеры заточим, зря что ли взяли? – Ребята начали привыкать, что я постоянно немного перекусываю, подгрызаю и подтачиваю.

– Предлагаю здесь перекусить, попить, отдохнуть и в ту комнату, где земелька перекопана, заглянуть, кому надо, – выдала себя Ида, уписалась бедняжка, надо ей срочно.

– Не, я в такой антисанитарии есть не буду. И писать тоже. Вам как врач не советую. Дел тут на пять минут, до конца коридора пройти и в ямку заглянуть. Ну, девчонки, соберитесь. Можете наверх подниматься, возвращайтесь, если так устали, мы сами добежим: туда и обратно.

Во всём, что касается гигиены, Миша – противный зануда. Мы постоянно вздрагиваем от его резкого, как сирена, крика «все руки помыли?!» перед едой. Пытался научить нас мыть руки правильно, еле-еле его отлягнули.

Правда, чего препирались. Уже пришли. В ярком свете

фонаря вглубь, как в колодец, обрамляя круглую стену, спускалась винтовая каменная лестница. Эдакая спираль, вызывала множественные научные и философские ассоциации. Она как будто вела не в ледник, а в глубины мироздания.

Удобная, ступени широкие, невысокие. Клиновидные. Пыльные, как всё кругом. Не стёртые. Словно время здесь остановилось. Мы по требованию Андрея поменялись местами, он стал замыкающим. Потопали не торопясь, аккуратно, осторожно, как по тонкому льду.

Начало подташнивать. Не от кружения вниз. Я хорошо знала это ощущение, чуть выше солнечного сплетения располагался мой седьмой орган чувств, так и назывался «чуйка». Не любила его, ничего хорошего от него не видела никогда. Срабатывал только на неприятности.

Внезапно с одной из ступеней упал камушек и покати́лся вниз, нарушая тишину. Мы замерли, прислушиваясь. Тишина была неприятной, густой, гнетущей, но в то же время завораживающей. Андрей обернулся, его взгляд был напряжённым.

– Всё в порядке? – тихо спросил он, но в его голосе слышалась тревога.

– Да, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. – Просто показалось.

Но «чуйка» не унималась. Она шептала мне, что впереди нас ждёт что-то непонятное и оттого страшное. Я посмотрела на своих спутников: Ида, Север и Миша. Они выгляде-

ли внешне спокойными, но я знала, что они тоже чувствуют что-то неладное.

Мы продолжали спускаться, шаг за шагом приближаясь к неизвестности. Каждый новый поворот лестницы открывал перед нами следующий круг спирали, но вместе с тем и новые глубинные страхи. Наконец лестница закончилась, и мы оказались в коридоре.

Здесь было не так темно, свет фонаря позволял разглядеть дальние очертания пространства. О, вот оно! Недалеко от нас прямо в камне, находилась неглубокая, идеально круглая ямка, из которой исходил странный свет. Мы подошли ближе, и я почувствовала, как «чуйка» затрепетала ещё сильнее.

– Что это? – прошептала Ида, дрожащим голосом.

– Хрень какая - то и светится, – ответил Север.- Но это явно не просто яма, эх счётчик Гейгера не захватили!

Похоже он пытался пошутить, но вышло в тему. Да и счётчика у нас не было.

– Я не буду туда подходить, – заявил Миша, со своего места,. – Это слишком опасно.

– Мы должны узнать, что там, – сказала я, чувствуя, как несвойственная решимость подталкивает меня. – Это может быть важно для всех нас.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Но будем осторожны. Просто подойдём чуть ближе. Мы не знаем, что нас там ждёт.

Я первая шагнула вперёд, стараясь не смотреть в яму. Но мой взгляд сам собой устремился вниз. Увидела нечто стран-

ное: свет, исходящий из ямы, был не просто светом, а живым, пульсирующим. Он словно звал меня, манил к себе.

– Линда! – услышала я словно издалека голос Андрея. – Вернись!

Но я не могла пошевелиться. Свет был слишком манящим, слишком притягательным. Я чувствовала, как он проникает в меня, заполняя каждую клеточку моего тела. И вдруг я поняла, что это не просто свет. Не излучение. Это была сила, древняя и могущественная. Она звала меня, обещала мне что-то, но я не могла понять.

В этот момент я почувствовала, как что-то внутри меня изменилось. Моя «чуйка» замолчала, и я почувствовала странное спокойствие.

Но вместе с этим я почувствовала новый страх. Страх ответственности. Я знала, что эта сила не просто так выбрала меня. Она хотела чего-то, и я должна была это понять. Но что именно? Ямка вдруг тихо погасла, сейчас это был просто каменный пол в таком же коридоре, только этажом ниже. Воздух становился всё более спёртым, была бы я одна, давно уже бы сдалась и вернулась обратно...

Дальше не было ничего страшного, те же комнаты, правда, расположены только с одной стороны; больше сырости, вода течёт по стенам каплями редких слёз, сплошного покрытия пола нет, по каменистой почве проложена мощёная дорожка. В самой дальней комнате лежит короткий, в рост среднего человека, тёмный, четырёхгранный каменный

столб. Волоски все вздыбились. Пыточная.

– Только я об этом подумала?

А что это Витя наш такой вспотевший, вроде не жарко?

– Не только; пойдёмте отсюда, всё посмотрели, ничего не пропустили, острых ощущений полные штаны!

– Ты только за свои штаны отвечай, Вить.

– Всё, поворачиваем, я сказал – на выход!

– Кто ты такой, чтоб командовать!

– Мальчики, а где лестница? Мы не в ту сторону пошли???

...

– Замуровали, демоны!!!

– Удачно пошутил, главное, к месту. Андрей, ты шёл последним. На что нажимал? Рычаг, выступ, камень???

– Вы на меня не скидывайте, чего тут нажимать и зачем, голые липкие стены.

– Может, нечаянно задел, не заметил?

– Проверила, там тоже... стена.

Вместо изящного наматывания локона, Ида резко дёрнула себя за прядь волос, зашипела. Её милое лицо начало терять свою гармонию, исказиться гримасой страха.

– Ида, даже отсюда видно, зачем ходить было, не расходимся, вместе держаться.

– Север, мальчики, мне страшно... Я боюсь, я сейчас заплачу-у...

– Пацаны, стена должна вокруг центральной оси поворачиваться, ну как вертушка. Я в одном фильме видел.

– Справа навались!!! Слева навались!!!

Глава 14. Паническая атака.

Еще час мы наваливались, простукивали, пинали стену. Я предложила принести столб из пыточной и бить им, как тараном. Нам вшестером это оказалось даже по силам. Стена вела себя как скальный монолит. Только отскакивали мелкие крошки камня. Какой она должна быть толщины? Там негде разместиться такому объёму! Казалось, что мы бьёмся лбом о вечность, о нечто непоколебимое и безжалостное, как сама судьба.

Миша придумал скрести раствор между камнями крюком из снаряжения. Несколько песчинок за следующий час были ему наградой. Крохотные капли надежды в океане отчаяния. Телефоны совершенно естественно в глубоком подземелье не ловили. Осознание ужаса ситуации приходило медленно. Но верно.

– Так, народ! Спокойно! Нас хватятся, будут искать, по следам найдут. Следы в пыли с той стороны стены кончаются, да спасатели по камушку её разнесут!

Это не я, это мой Голос разума говорит. Я ему не верю. Не знаю почему, чуйка кричит: «Снаружи помощи не ждите!»

– Ой, Амелиндочка, правда, конечно, обязательно скоро найдут, мы выйдем! Прямо легче стало. Сейчас поедим, вот салфетки и бутеры берите.

Усевшись на бывший пыточный столб-таран, мы переку-

силы, попили горячий сладкий кофе, решили не метаться, спокойно посидеть, отдохнуть. Умаялись от безуспешных попыток выбраться. Оставили один фонарь. Он тускло светил. Сразу, как тяжелое ватное одеяло, стала давить обступившая темнота, слышны монотонные звуки капель, напоминающие мерное тиканье часов, отсчитывающих последние мгновения надежды. Ребята тихо переговаривались о текущих делах, как будто ничего не случилось. Я оптимистично думала о том, что воздуха и влаги со стен здесь достаточно.

От жажды не умрём, быстро не задохнёмся. Будем до-о-о-о-лго с голоду подыхать, мёрзнуть. В крошечной первозданной тьме, в спёртом, выдыханном воздухе, в плену собственной вони, где каждый вдох будет глотком ужаса. Сколько метров земли над нами? Сколько времени нужно, чтобы потерять человеческое лицо от безнадёжности? Ослабеть от голода?

Кто первый попросит его убить, а кто сможет это сделать? Кто тот счастливчик, что сойдёт с ума? Михаил сидел рядом, молчал. Мы одновременно искоса посмотрели друг на друга, в его глазах я прочла те же вопросы, как отражение своего собственного страха и отчаяния.

Мы здесь уже четыре с лишним часа, этого времени недостаточно, рабочие могут подумать, что мы уехали по своим делам. Операцию по спасению начнут, скорее всего, завтра. Или когда по закону в Германии положено пропавших взрос-

лых искать? В России через три дня.

Обсудили, чем занять время до сна, решили снова обследовать ограниченное стенами пространство. Надо было двигаться, стылый холод и сырость лезли под тёплую одежду. Говорили скупно, нарочито спокойно. Ничего интересного, дажехлама не было. Разрядился первый фонарь.

Туалет определили в углу возле дальней стены, где не было плит. Витька выкопал сапёрной лопаткой глубокую ямку в глине. В другом конце начал рыть подкоп под стену, землю стаскивал в ближнюю комнату. Значит, не я одна в спасении сомневаюсь. Почему меня гложут сомнения, ведь обязательно должны искать.

– Мужики, давайте в комнату спать уйдём.

– Точно, Миш. Когда будут стучать, услышим.

– А если взрывать?

– Тогда точно услышим.

Север, Миша и Виктор ушли в комнату. Устроились с Идой и Андреем сидя, возле треклятого столба, тесно прижавшись.

– Не в такой обстановке мечтал к тебе прижаться, Идочка.

– Спи уже, Дон Жуан!

Вот вам ещё один известный психологический аспект: осознав неотвратимость смерти, при возможности люди всегда занимаются любовью.

Проснулась в туалет, тело уже при жизни находилось в состоянии трупного окоченения. Со скрипом встала на ноги,

распрявиться не смогла, так и пошла согнувшись, подсвечивая себе фонариком. Моча была прохладной, плохи дела, общее переохлаждение.

В пальцы ног как будто воткнули иглы, шею свело набок, неловко заснула. Надо будить всех, надо двигаться, поесть, попить. У нас нет столько припасов, нечего экономить, растягивать. Если спасут, то это будет скоро, сейчас важно не заболеть.

Если не спасут... Не поймут, куда исчезли... Невозможно предположить, что группа людей прошла сквозь стену. Скорее всего, отверстие, где мы начали спуск, тоже сейчас представляет собой просто пол. Рабочие сначала сами всё хорошенько затопчут, потом полицию позовут.

Мы в этой каменной кишке по моей вине. Только выхода наружу нет. Я нашла это место, созвала хороших ребят на жуткую гибель. Истеричкой никогда не была, но... Это называется паническая атака.

Я их погубила. Умирать будем вместе. Долго. Страшно. Тихо, без слёз, исказив уродливой гримасой лицо, каким-то сухим клёкотом плакала женщина у стены, молотя её кулаками, сбивая их в кровь и не чувствуя боли. Сползла без сил, щекой и ладонями ведя по равнодушному ледяному шершавому камню. Это всё ещё Я???

Я лечу в безграничном космическом пространстве с не постижимой скоростью, растворившись в нём. Никогда в жизни даже близко не испытывала такого счастья. Лететь удоб-

но, приятно. Это длится вечность. Времени нет. Тела нет. Только осознание себя – я есть сгусток энергии и информации. Абсолютная свобода от всего.

Вокруг темнота, чёрный бархат, но не отсутствие света. Цветные, крупные, яркие звёзды быстро красиво приближаются, удаляются. Целые миры и галактики. Ветер... Свежий, тёплый, нежный легчайший ветер бережно обдувает мою душу. Вперёд и немного вниз, вот вектор моего полёта. Хорошо! Как же хорошо! Хочу быть здесь всегда! Я чувствую – меня любят! И никогда не оставят свою Любвью.

Лежу на полу. Включила фонарь, из комнаты тоже бьёт луч света. Тихо собрались вместе, молчали со счастливыми, блаженными лицами. Говорить было не нужно, неправильно, всё ясно без слов.

– Мальчики, а где стена?! Нас уже спасли?

Глава 15. Мы попали, ребята.

Стена исчезла так же, как появилась – мгновенно, тихо, незаметно, непостижимо. Убедившись ещё и на ощупь в её отсутствии, торопливо начали подъём. Поднимались в той же последовательности, что при спуске.

– Кто что думает? Крайний – ау!

Это Миша мозговой штурм начал.

– Миха, ты считаешь себя самым умным, ты и начинай!

– Спорить не буду. Возможно: газы из почвы, грибные споры, тут тысячу лет у них мутации шли.

– На глюки намекаешь? Не бывает совершенно одинаковых коллективных глюков, как психолог утверждаю! Я об эту стену до крови руки ободрала.

– Что тогда??? Ну вот как такое может быть, а?

– Я уверена, это – Божий промысел! Да!

– Ты, Идочка, конечно, умница, но давай поищем рациональное объяснение.

– Фома ты неверующий, Север. Молятся люди о чуде, молятся, ждут, ждут, как увидят – не верят.

– Есть в этом нечто. Даже не в стене – появилась, исчезла. Мы ведь были ТАМ...

– Не нужно, Линда, пожалуйста, не будем обсуждать. Это – только моё.

– Да, Виктор, да, я согласна. Мне идея твоя с подкопом

понравилась. Ты по-деловому мыслишь!

– Обращайтесь!

Вышли на первый ярус подвала, странности продолжились. В центральном туннеле было довольно чисто, без сильной пыли, хлама. Сводчатые потолки были словно выше, готовые факелы возле каждой комнаты в металлических держателях.

В комнатах, точнее уж называть их холодными кладовыми, были припасы: множество огромных голов сыра на целых дубовых полках, в другой кладовке – копчёные свиные окорока и колбасы свисали с крючьев, ещё одна комната заполнена корзинами с плесневелыми овощами.

Целые бочки установлены на упорах, постукали по ним: есть полные, пустые, горшочки и большие горшки, глиняные корчаги с укупоренными горлышками.

Дошли до сухой первой комнаты от лестницы, там в мешках была серая, крупная соль. Её запах напомнил мне о детстве, о том, как бабушка готовила соленья на зиму.

В деревянном огромном ларе с тяжёлой крышкой сложены мешки с мукой очень грубого помола. Такую мама покупала для полезной выпечки в специализированном магазине по дорогой цене. Исследовать подвал на обратном пути было намного интереснее.

– Не надейтесь, скрытых камер нет. Уборку сделать и продукты принести можно, но... Тут словно реставрацию провели, всё обновилось. Мегатонные стены мгновенно не воз-

никают и не исчезают.

– Ты, Вить, прям констататор очевидных фактов.

– Скажет кто-нибудь прямо, что с нами произошло?

– Мы попали, ребята. Это примерно Средневековье, я работал с реконструкторами, был в запасниках музейных, всё ручками щупал, отличить сумею. Здесь всё – настоящее, подлинники, так сказать, вашу мать!

– А? Чё??? Какого хрена? Ты, Вить, говори, да не заговаривайся! Это немыслимо, невозможно, непостижимо!

– По-па-дан-цы!!! Без вариантов, Север. Это мы сюда попали, а не Средневековье к нам в двадцать первый век в гости пришло.

– Ой, мамочки! Всегда мечтала!!!

– Аккуратнее мечтать надо, Ида, не так громко, у меня были совсем другие планы!

– Смотрите, потрогайте, одежда на нас из другой ткани, фасон только не изменился...

– Ты разговор в сторону не уводи, мечтательница.

– Как наверх выходить будем? У нас нет оружия.

– Северочек, не надо оружия, мы под Божественной защитой! Андрей, скажи ему.

– Нет, Ида, надо быть готовыми ко всему. Давайте палки найдём, ножички достаньте из рюкзаков. Факелы снимем.

– Стоп, ребята. Стоп! Мы должны выглядеть мирно, не представляющими опасности. Если спровоцируем драку – победа точно будет не наша! Нужно незаметно добежать до

чёрного хода, он совсем рядом с лестницей, тихо открыть за-
сов, выйти во двор.

А вот если в доме нас обнаружат – точно несдобровать.
Сочиняем легенду, быстро, сюда могут зайти! Игра такая:
каждый по предложению, логически связанному с предыду-
щим.

– Шли мы, значит, шли, издалека шли, нужда гнала.

– Э-э, нуу... А! Подмастерья мы, русичи, со славного гра-
да Ладоги, от мастеров ушли, больно зажимают.

– Не староваты для подмастерьев?

Ватагой сбились, по окрестным деревням, городам ходи-
ли, в замках подрабатывали. До вас добрались.

Кому платье пошить? К свадьбе приданое!

Кому флюгер сковать? Ножи точить! Лошадь подковать!

Кому кровь отворить, чирей вскрыть! Роды принять!

Кому на жениха погадать? Гулёного мужа вернуть! Что
было, что будет, чем сердце успокоится! Заговор от пьянства
на год!

Даме вашего сердца за умеренную плату серенаду спеть!
Стихи посвятить! Письма родне написать!

Фрески, портреты, натюрморты, пейзажи! Картинки!

Ограбили нас злые разбойники, всё непосильным трудом
нажитое отняли!

Ремесло при нас осталось!

Берём дёшево, делаем дорого!

Ух ты! Нарочно не придумашь. Запомнили? Хорошо?

Теперь на немецком повторите. Так и поём, иноземцы, мастера, русичи, язык ваш знаем плохо. Платье иноземное, дорожное, жёны в мужской одежде для безопасности, если спросят. Андрей переводчиком будет, но и вы не молчите, нужен дружелюбный фоновый такой галдёж.

По одному, убедившись в предрассветной мгле в пустоте двора, выскочили. Снаружи здание старого замка также преобразилось, вполне жилой вид. Сгруппировались в центре двора возле огромной... ага, кучка попаданцев до кучи навоза.

К деньгам, к деньгам! Много будет денег, очень много! Мы тут все разбогатеем!

Судя по размерам вонючей кучи – да, много!

Миша, ты бы пример брал с оптимизма Идочки.

Андрей, это просто куча кишащего бактериями дерьма!

Ой, я одна вижу наш домик? Он на своём месте.

Все заметили: моя Ида первая видит самое главное!

Это когда я твоя стала? Мы просто спали рядом, одетые, Линда с нами была!

Нашли время! Кстати про время – светает, есть навоз, значит, есть скот. Пора скотинку обихаживать: кормить, поить, доить. Где люди?

Да-а, Север, можно вывезти парня из деревни... Тебе средневековая толстовка личит, прямо будто тут родился и вырос!

Завидуи молча, Андрей, это повышает мои шансы!

Действительно, где люди? Да ведь скотины тоже нет, тихо. Собаки не лаяли. Надо пошуметь, что за сонное царство? Снова разыграли отрепетированное внизу представление, теперь громко, с выражением. Тишина... Театр без зрителей.

Не нравится мне это! Такое чувство, что сейчас лангольеры прилетят и поглотят всё вокруг, как безмолвная, неумолимая машина времени, стирающая реальность. В воздухе повисло тревожное ожидание чего-то неизбежного, как перед бурей, когда всё замирает в предчувствии надвигающейся катастрофы. Я хочу укрыться, спрятаться.

— Домой пойдёте, дома и стены помогают.

Прошу, не надо про стены... Я не говорил вам, в пять лет на лифте катался, на полдня застрял.

Клаустрофобия. Вот почему Витя ход начал рыть. Словно загнанный зверь метался в подвале, он не мог, как мы, сидеть на месте. Стены давили, воздух казался ему более тяжёлым и душным, чем нам. Мы проходили описание переживаемых чувств клаустрофобов, с их слов. Он задыхался, сердце колотилось, как бешеное, пот стекал по лбу. Тогда ему тяжелее всех там было. В такие моменты, когда мир сужается до небольших размеров, клаустрофоб чувствует первобытный ужас.

Но внутри Виктора там будто что-то проснулось. Это было нечто большее, чем просто страх. Это была сила, которая

заставляла его двигаться, искать выход, бороться. Так и запишем: реакция на стресс – конструктивная, адекватная. Может преодолеть сам себя. Самоуправляемый тип. Уникальное свойство психики. Надо использовать!

Я подняла глаза и посмотрела на Витю. В моём взгляде было что-то, что он пока не мог понять. Что-то, что заставляло его сердце биться ровнее.

– Ты справишься, – сказала я мягко, но убедительно.– Я верю в тебя.

Глава 16. Если вы орёте, а в ответ тишина, это не всегда означает безлюдье

Наш флигель, в отличие от замка, сохранил свой прежний внешний облик. То есть, особо не изменился. Стал вроде поновее. Мы рванули по дорожке. Мне кажется или я узнаю некоторые камни? Грязные куртки, верхние штаны и обувь оставили в тамбуре. Одежда точно стала какая то другая. Та, и как бы не та.

Ввалились гурьбой.

Упс! Если вы орёте, а в ответ тишина, это не всегда означает безлюдье. Люди, к примеру, могут скрыться, подготовиться к обороне, или к нападению, и поджидать вас. Или просто бояться, прятаться.

Она не скрывалась, точнее не могла. Женщина, возраста чуть за средний, сидела в инвалидной коляске прямо посреди холла. Подняв руку в охранительном жесте, громко, пискляво - истеричным голоском спросила:

– Кто вы? Почему я снова попала домой?

Ничего себе! Хозяйка моей недвижимости объявилась, ещё с претензией « снова попала»! Одно радует, хоть какую – то информацию узнаем. Мы по очереди, почему то церемонно полными именами представились. Она кивнула, и на-

звалась Эммой Кляйн.

Надо сказать, фамилия ей подходила как нельзя лучше. Дама была миниатюрной, изящной с точёными ручками и выразительными, сильно выпуклыми, серыми глазами. Её платок и блуза были явно казёнными, мышинового цвета, в мелкий цветочек, велики по размеру. Вязанные перчатки митенки, видимо мёрзли руки. Ножки, совершенно детского размера, болтались высоко над ступенькой кресла, одеты в шерстяные следки, укрыты стареньким пледом.

- А вот мы сейчас умоемся, поставим чай, есть же у нас чай? Видимо разговор будет долгий, все устали. Побеседуем за чашечкой чая, фрау Эмма, хотите плотнее покушать? У нас тут продукты были. Когда – то.

Молодец Ида, обязанности свои помнит, девушка ответственная, психика устойчивая.

– Фройляйн Эмма, если вас не затруднит. Мне, пожалуй, только кофе.

Ого, малышка ещё и старая дева, хотя в её положении инвалида неудивительно.

Ида ловко покатила странную деревянную инвалидную конструкцию в кухню, загремела посуда, заглушая их разговор. Мы привели себя в относительный порядок. Ребят, невзирая на их бурное возмущение, я запихнула в санузел первыми по двое. Выходили оттуда с ошарашенными лицами. Андрей отплёвывался и тихо ругался. Ушёл во двор.

Я разделила их эмоции, когда зашла сама. Наш санузел

был роскошным и отремонтирован в лучших традициях Средневековья! Узнала фаянсовое трио, украшавшее тумбу – кувшин, таз, горшок с ручками в форме цветочного венка. За ширмой был стульчак с занавесочкой внизу, там скромно прятался глиняный горшок с двумя ручками, устрашающих размеров.

Ванна в форме овальной новенькой деревянной лохани была выстлана изнутри холстинковой большой простыней с вышитыми уголками, кокетливо загнутыми наружу. Кирпичная стена за лоханью была с глубокой нишей, в которой располагался вмазанный большой медный котёл с холодной водой, накрытый крышкой. Имелся медный же ковш, с длинной ручкой. Топки с этой стороны не было.

Этажерка между так скажем ванной и раковиной – тумбой служила для хранения узких льняных полотенец и простыней, маленьких кувшинчиков, плосечек с чем-то и множества рулончиков плотно свёрнутого мха-сфагнума, составленных в деревянный короб средних размеров. Это то, о чём я думаю? О, нет! А ничего так, вроде удобно.

Продуктов закупленных в супермаркете не было, зато фермерские остались, но мяса и молочных продуктов вна кухне не нашлось. Даже в железном шкафу, подозрительно напоминающем холодильник. Ида послала Мишу в подвал, Андрея в дровник, Витю принести воды.

Сразу затопила печь, железная плита быстро раскалилась, готовила кофе, кашу на воде, яичницу, резала капустный са-

лат, хлеб. Я достала посуду из буфета, помыла её зачем то, не знаю, совершенно чистая была. Север снова куда то пропал. Работаем, работаем, арбайтен, никаких мыслей, никаких!

Мы втроем говорили, прихлёбывая кофе. Эмма Кляйн, сирота, воспитанница местного приюта, жила в этом доме с семнадцати лет, сразу после выпуска. Работала прислугой, помогала матери братьев Мюнних. Затем после её смерти стала экономкой, и вела всё немудрящее хозяйство двух холостяков.

На войне погиб старший под Сталинградом, пришла похоронка. Младший брат, Вальдемар Мюнних, которого она любила, но не решилась открыться, пропал без вести за год до окончания войны. Она жила в доме одна, сберегала добро семьи Мюнних. Подрабатывала помощью по хозяйству в других семьях, сдавала комнаты в наём, и ...ждала.

Никто не предъявлял права на дом. При жизни хозяйки девушка называла её тётя Магда, поэтому соседи считали её сироткой - племянницей, никто не требовал с неё документов, подтверждающих родство, в домовую книгу она была вписана. Налоги вносила исправно. Жила одиноко.

Желающие ухаживать, жениться отвергались ею в такой резкой, категоричной форме, что очень быстро отстали. Ей было за тридцать, когда захотела выйти замуж. Но к тому времени старых дев было в избытке, а мужчин после войны мало.

Так потихоньку прошло время, целая долгая жизнь. Ко-

гда не могла уже управляться по хозяйству, в девяносто лет стали отказывать ноги, социальная служба помогла ей переехать в пансионат для престарелых.

Тут возник вопрос о доме, земле, постройках. Эмма честно рассказала, что собственницей и наследницей не является, просто жила, раз никто не гнал. Знала от соседок, которые изредка навещали её в Ольденбурге, что наследников хотя бы по отдалённому родству ищут. Потом соседи перестали приходить, все, кто с ней дружил, умерли.

Тяжёлая судьба. Начать жизнь в казённом учреждении, там же закончить, война, неразделённая любовь и пожизненное одиночество.

– Сколько же вам лет фройляйн Эмма? Ну, между нами, девочками?

– Уже считать устала. Девяносто восемь скоро будет, если доживу.

– Вы прекрасно сохранились для своего возраста, это я вам как доктор говорю.

Миша поставил на стол кринку, миску и кувшин.

– Ледник в подвале, Идочка, там мясное и молочное хранится. Давно себя в зеркале видели, Эмма? Вам больше сорока не дашь. Как у вас с памятью?

– Всякое бывает, но! сколько мне лет я помню твёрдо, – слегка обиделась фройляйн Кляйн. И год сейчас две тысячи двенадцатый, число двадцать девятое июля.

– А на что жалуетесь? Болит что?

Сел Миша на своего конька, всё!

– Сердце шалит, бьётся сильно, потливость, слабость, давление, ноги давно отказали. Голова пока хорошо соображает, а вот ноги подвели. Почти не двигаются. Встать, сесть могу, с опорой пару шагов сделать. Шесть лет уже катаюсь.

– Позвольте осмотреть ноги, я врач. Не дожидаясь разрешения, быстро убрал плед. На ней оказывается, была не блузка, а халат с запахом и он распахнулся, открывая взору довольно высоко обнажённые маленькие стройные ножки с гладкой белоснежной кожей, красивой формы коленными чашечками, чуть полноватыми икрами, переходящими в тонкие лодыжки.

Мисаил с чисто медицинским интересом пялился на её голые ноги. Эмма разглядывала себя с не меньшей тщательностью, потом сняла митенки, задрала рукава халата, осмотрела руки, и радостно возопила:

– Господь услышал мои молитвы, наконец- то я умерла!!! Бессонница меня мучает, сегодня под утро пересела с кровати, в своём кресле заснула – увидела божественный сон... Проснулась здесь. Всегда хотела умереть дома. Вы наверно тоже, где то умерли.

– А с чего нам всем помирать посреди полного здоровья? Я доктор, мне виднее!

– Фройляйн Эмма, вставайте уже из этой колымаги, садитесь на нормальный стул; давайте прежде хотя бы покушаем,

что Бог послал!

Это пришёл с добычей Север – принёс копчёный окорок и головку сыра, колбаски. Доложил, что в большом доме действительно никого нет. Всё выглядит так, будто дом покидали в спешке. Спуска по злополучной винтовой лестнице вниз тоже нет, там просто каменный пол.

Мы обсуждали за завтраком события прошедшей ночи и наступившего утра, убеждали Эмму, что она жива, снова молодая и ей ещё жить да жить!

– Кстати, Линда ты помолодела лет на пятнадцать внешне, у меня смотрите, вот тут плешь была, её нет, и я немного поправился.

Михаил действительно был уже не такой тощий. Выглядел много моложе, симпатичнее.

– Думаю, нам троим вернули оптимальный возраст, а ты, Идочка, также как Север, Андреас и Виктор находишься и так в молодом возрасте. Пока не забыл: Линда, там, в подполе кот твой, делает вид, что мышей ловит. Меня как ветром сдуло, даже омоложение меня так не осчастливило.

– Дыма, Дымулькинский, кысс-кысс-кысс! Ах, ты умничка мой, мяско погрыз, сметанку поел, с голоду не умер!

– Мря, урм, урмяр, да я такой, находчивый! Тёпленький, пушистый кусочек моего мира был со мной, и меня отпустило. Слезы облегчения появились и мгновенно высохли. Будем жить! Как жить? А хорошо! Ребята пошли в свои комнаты – делать ревизию своего вновь обрётённого и превра-

щённого в средневековые аналоги имущества.

Нужно было подготовить комнату просто Эмме. Ей понравилась кладовая. Было заметно, что человек мечется, в стрессе, с трудом осознаёт происходящее. Она снова передумала, настояла без обращения «фройляйн», сказала у неё нет соответствующего социального статуса. А я думала – так всех незамужних немок называют.

Кровать дополнительная была, я рассчитывала на приезд шести человек. Вся деревянная мебель, как и плетёная сохранилась, только стала выглядеть более новой. Кровати и матрасы изменились соответственно: из никелированных – на кованые, из ортопедических – в набитые кажется шерстью. Подушки, одеяла стали натуральные пуховые.

В доме исчезли искусственные материалы. Всё, что из пластика, полимеров. Освещение свечное, люстры в холле и в столовой кованые, в подвале дома в нишах были масляные лампы. Зеркала в мыльной стали хуже качеством, также и в дверцах шкафов. Радовало, что они хотя бы были.

Кладовую освободили от стеллажей, банок, мы с Идой её вымыли, подивились на мутное с пузырьками воздуха толстое волнистое стекло в маленьком окне, тоже помыли. Порадовало, что дом хоть как-то остеклён.

В ход пошло добро из сундука мансардной комнаты. Шторы с вышитыми синим и жёлтым медальонами, полоской кружева внизу, постельное бельё из сурового полотна, покрывало в стиле пэчворк, круглый коврик у кровати.

Несколько кружевных салфеток на комод, на подушки, на кресло – больше ничего не нужно. Пара фарфоровых безделушек. Комната стала девичьей, уютной, но была маленькая, узкая.

Эмма как могла нам помогала, разбирала текстиль, пыль вытирала. Попросила помочь ей с причёской и, покопавшись в платяном шкафу, оделась в один из национальных костюмов, которые я планировала выставить в домашнем музее. Ходила она неуверенно, как ребёнок. Тело было в порядке, но мозг почти забыл, как ходить.

Устали как бобики к обеду все; недосып, пережитое потрясение, переохлаждение, труд – всё дало свой результат. Пообедали наспех, объявили тихий час. Северин пошёл во двор, нести караульную службу.

Глава 17. Завтра мы пойдём в большой дом.

Вечером наши парни взяли кирку и лопаты, отправились во двор подыскивать место для нужника. Мужчины долго ржали над стульчаком, оставили эту роскошь нам, дамам, и то только в ночь.

Женский батальон продолжал обустраивать быт. Готовили много сразу, пока топилась печь. Кашу гречневую по-купечески, пирог с повидлом, поставили тесто на хлеб. Мясные щи петровские, без картошки.

Её, картошечку, целую сетку я покупала в фермерском магазине, но Северин отнёс обратно в подвал, пристроил ближе к леднику, посыпал золой, укрыл мешковиной, сказал, что всю до единой пересчитал! Закупленные мной для общего питания овощи: помидоры, огурцы, баклажаны тоже перешагнули вместе с нами порог времени. Они будут дозреваться, семена вынем. Кабачки и тыква, свёкла, морковь – все овощи послужат семенным фондом. Я вспомнила про купленный в подарок маме набор семян. Какой он стал красивый!

Стопка полотняных малюсеньких мешочков с аккуратно вышитыми овощами повергла Севера в благоговейное состояние, он открыл каждый и самолично убедился, что там есть

семена. Сказал, что это стратегический семенной фонд, и конфисковал. Образ крупного молодого парня у меня никак не стыковался с огородничеством.

Завтра мы пойдём в большой дом. Работа помогала отвлечься от мыслей, придавала оправданность нашему здесь нахождению. Отнесли тёплую воду из котла в мыльне ребятам во двор, ополоснуться. Эти деревянные вёдра сами по себе неподъемные, а уж с водой! Мохнатая толстая верёвка вместо дужки сильно режет руку.

Эмме не давали пока работать много, её ещё немного пошатывало и заносило на ходу. Она нашла себе занятие – сняла грубую кору с дубовых поленьев, наскребла в горшочек тонкий слой нарастающей изнутри коры, запарила его на печке. Долго толкла в каменной ступке берёзовые угли, пересыпала порошок в фарфоровые чашки, которые вразнобой остатками от сервизов копятя в кухонных шкафах. Я сбегала к реке, принесла множество молодых ивовых тонких прутиков, Эмма их колотила пестиком, расщепила. Так у нас появился ополаскиватель, зубной порошок и щётки.

Откуда такие знания у неё, всё ж таки в двадцатом веке жила. Наши зубные щётки превратились в деревянные с грубой свиной щетиной, которая вылезла при первом же применении, пользоваться невозможно, зубная паста нашлась в плошках, свою – корейскую узнала по запаху. Но запасов не было. Зубы надо беречь. Стоматологов точно нет. Есть ли вообще тут кто-то кроме нас, вдруг мы одни в этом мире?

Хорошо бы это было или плохо?

Утром мы не торопились, оттягивали момент выхода. Все уже умылись, оделись, позавтракали, взяли с собой чистые холщовые мешки. Сильно подозреваю, что ранее это был рулон пластиковых мешков для мусора объёмом шестьдесят литров.

– Присядем на дорожку.

– Далеко собрался, Север? Что за деревенские ритуалы?

Не может Андреас без подколов, это злит спокойного, серьёзного Северина.

– В прошлый раз тоже недалеко собирались... Сели, говорю!

О, у нас тут борьба за лидерство в мужском составе началась! Логично, первым заявку на альфу делает Север, он самый крупный... самец. Но молодой слишком. Опять-таки, самочка им одна и та же нравится. Идут тысячелетия, а законы природы не меняются. Налёт цивилизованности человечества столь же тонок, как и слой серого вещества мозга. Стоит чуть колупнуть, такое полезет! Лучше не надо.

Пошли тем же порядком, как вчера. Окрестности ничем не примечательные, есть грунтовая дорога. Сначала обошли строение кругом: фундамент выполнен из плоских больших камней, стены уже из обтёсанного песчаника, высокая черепичная крыша с дымоходами. Стрельчатые окна башен больше напоминали бойницы. Чёрный ход закрывался только изнутри на засов, вчера нами он был открыт. Внутренний за-

мок, что ранее я открывала причудливым ключом, исчез.

Центральный парадный вход с высоким квадратным каменным крыльцом. Роль козырька выполняет балкон на толстенных стропилах. Дубовая дверь была высокой, двустворчатой, навесные замки наверху и внизу двери были углублены в нишу косяка, этакий переходный вариант к врезному замку. Изнутри эта же дверь была заперта огромным брусом, засовом, протянутым сквозь скобы.

Здание замка, в которое мы зашли позавчера и так странно остались, прирастало столетиями, постепенно. Первым строением была башня типа донжон, круглая, высотой три этажа. Затем пристроили длинную перемышку в два этажа, позже к ней с торца вторую башню. Хозяйственные постройки образовывали очень большой закрытый двор.

Внутри всё было обжитым, такое впечатление, что дом недавно покинули. Планировка оказалась простейшей: главный вход вёл в центральный холл, он же трапезная и приёмный зал. От холла в две стороны шли коридоры с комнатами, правая сторона и примыкающая башня были жилыми. Окна здесь выполнены из кусочков слюды в свинцовом переплёте, снаружи закрыты ставнями.

По левую сторону находились хозяйственные помещения: кухня-столовая с двумя кладовыми, большая мыльня, прачечная, бельевая, склад вещей, комната с пятью набитыми сеном тюфяками прямо на полу, но со столом и лавками. Окна тут без слюды, но с двойными ставнями: наружные закры-

ты изнутри на вкладной засов, внутренние ставни – закрыты на крючок, между ставнями находилась промасленная светлая ткань на вынимающемся подрамнике.

Обстановка добротная, без особой роскоши. Мебель простых форм была отшлифована и отполирована с маслом. Пол из каменных равноугольных плит устелен соломой, стены побелены густой грубой известкой.

В трапезной прекрасной ручной работы гобелены на религиозные темы. Столы расположены буквой П, примерно на пятьдесят человек, с двух сторон прочные лавки, отполированные задницами. В огромном закопчённом очаге с вертелом можно было зажарить кабана.

Видимо, так и сделали, а его голову повесили над камином. Две свечные люстры и настенные канделябры были из бронзы, грубоватой работы.

В жилых комнатах числом пятнадцать больших кроватей размера «кинг сайз» было по одной. Пара сундуков, два стула, высокий канделябр, ковёр на полу. В каждой комнате был отгорожен ширмой угол с умывальными принадлежностями. Горшки под кроватью, там же войлочные тапки-чуни. В стены вбиты крюки, на них висела одежда, впрочем, её было мало.

Лишь в одной комнате была очень большая кровать под балдахином из крашеной в зелёный цвет рыхлой ткани. Стол, два кресла на крестообразных ножках, без спинки, но с подлокотниками, небольшое серебряное зеркало на столе,

резные сундуки, здесь была своя индивидуальная мыльня. Ясно-понятно — хозяйская спальня.

Каждые две смежные комнаты отапливались одной общей печью, топка которой выходила в коридор, а бока печи — в спальни. Средние спальни были более тёплыми — печи с двух сторон. Виктор отметил: нехарактерно такое отопление для Средневековья. Чересчур прогрессивно, словно из другого времени.

В кухне громадная печь с множеством отделов: плита, очаг, под. Тоже довольно странно. В корзинах у отопительных печей лежал нарезанный сухой торф, сухой мох на растопку, а вот пищу готовили на дровах.

Внутри жилой правой башни деревянная лестница, на двух этажах располагались кабинет, он же оружейная, выше — жилая комната с камином. По этой лестнице перешли на второй этаж жилой перемычки между башнями, он по планировке спален копировал первый. За исключением кухни и трапезной.

Вместо них была большая гостиная и она же вроде мастерской для рукоделия, с уютным угловым камином. Из этого помещения можно было выйти на балкон. Третий этаж нежилой, башни с открытыми бойницами на четыре стороны, с конической крышей.

После знакомства с планировкой переключили внимание на детали. Особенно тщательно рассматривала вещи Ида, её интересовали фасоны одежды, ткани, обувь. Она отобрала

несколько комплектов одежды для нас.

Совместно с Виктором, который изучил оружие, кухонную утварь, подсвечники и другие изделия из металлов, они определили примерную дату нашего попадания: тринадцатый — четырнадцатый век. Точнее не получалось. Мода и технологии в Средневековье развивались медленно. Особой разницы в вещах не ощущалось. После изучения записей в документах мы сможем уточнить год.

Нужно спуститься в подвал, проверить винтовую лестницу, вдруг снова появилась? По сути, эта лестница, ведущая вниз, наш единственный путь обратно, в своё время. Решили делать это каждый день, на рассвете и в полночь. Подвал успешно притворялся подвалом, никакого намёка на портал. Мы потоптались по полу в его месте.

Корзины со сгнившими овощами просились на выход. В глиняных корчагах был мёд, топлёное сало, масло оливковое, масло коровье топлёное. Бочки с вином и пивом были подвергнуты особенно тщательной ревизии. Придём со своей посудой, проведём дегустацию.

Глава 18. Секреты замка Мюнн.

Стоит только покинуть дом, как там тотчас заводятся новые действующие лица. Еще во дворе мы увидели привязанную у задней калитки лошадь с перемётной сумой.

– Хорошо, языка брать не надо, сам приехал, прокомментировал Север.

– Говорить я буду, лучше меня никто старогерманский язык не знает. Вам можно сказать два три самых простых слова, держитесь отстранённо, высокомерно. Больше слушайте, впитывайте.

Пригодились, наконец, старинные баллады и знание средневековых манер моего брата Андреаса.

В холле был мужчина, в крестьянской одежде, с синими глазами, ярко выделяющимися на обветренном, красно-загорелом лице, он снял войлочную шапку, низко, в пояс поклонился.

– Что нужно? Почему во дворе не ждал?

Голосом Андреаса можно было пельмени замораживать.

– Ждал, долго ждал, господин барон.

У Андрея дёрнулся глаз. Мы переглянулись.

– В деревне как вчера с дым увидели, сразу поняли, что вернулись вы. Уж так обрадовались, так обрадовались! Вот общество прислало меня своё почтение выразить, и спросить – может нужно чего господам?

– Неси сюда своё почтение.

«Языком» оказался староста деревни, что в этом времени ещё не слилась с Хаггенем, не разрослась до замка, и находилась за двумя холмами, в паре километров отсюда. Поэтому мы её не увидели. Пятясь и снова кланяясь, он ушёл во двор.

– Девчата, в комнаты идите, потом объясню. Дверь приоткройте, к разговору прислушивайтесь, пытайтесь понять. Миша, нужно окорок принести из подвала, ещё ту самую большую головку сыра. Север, тебя тоже попрошу снова в замок сходить, в подвале маленький бочонок с пивом в углу стоял, неси. Соли килограмм десять отсыпь, мешок возьми. Вить, где начатый мешок с мукой оставил? Не надо, не заноси, его тоже отдадим. Эмма, где Вы?

– Тут, у себя. Увидела его в окно, сразу легла в постель, больной притворилась.

– Он подходил? Спрашивал что?

– Да, подходил, говорил: где остальные господа, сколько ждать, чем я больна. Я на все вопросы в ответ кашляла.

– Вы гений, Эмма! Он как к Вам обращался?

– Почтительно: госпожа баронесса. Я не возражала.

Почтение выражалось в свежееубиенном маленьком барашке, трёх синих курицах, одном гусе, корзине с яйцами, свежем сливочном масле, завёрнутом в лопухи. По счастью, птица была выпотрошена, ощипана, хоть и с головой и ногами, а барашек разделан.

– Что скотина?

Андрей намеренно задавал вопрос лаконично – обтекаемо.

– Вся цела, в апреле трава уже всюю пошла, господин барон, приплоду много. Кони только сильно отощали, овёс ваш кончился, непривычны они на траве да сене.

– Сами овёс сожрали?

– Дык, это... весной совсем туго было, сами знаете, прошлогод и позапрошлогод неурожай был, голодать начали, посевное зерно чтоб не съели, да скотину не извели, ваш овёс по дворам раздал, помилуйте!!!

– Правильно сделал. Коней и скотину пригонишь завтра. С утра. Конюха сюда. Скотник и коровница пусть тоже придут. Приплод в хозяйства отдаю за уход, пусть себе оставят. Ты скажи людям, пусть отпразднуют наше благополучное возвращение, эль возьми, окорок, сыр, муки для пирогов, соль на все дома справедливо подели, проверю. Завтра приеду, после полудня, смотреть как живёте, хорошо ли работали всё лето. Всё. Поезжай.

– Благодарствую, господин барон. Тама это, дом я вкруг обошёл, пока ждал. Похоже, воры в доме были, да спугнули кто. Мешки с одежей и тканью добротной под окном валяются.

С непонятным выражением вытянутого лица, староста по новой набил кожаные перемётные сумы теперь нашей провизией, привязал к седлу сзади мешок, впереди себя бережно укрепил бочоночек и так в обнимку, беспрестанно огля-

дываясь, медленно уехал.

Пока я за мешками несколько раз бегала, Ида печь затопила, придвинула горшки с кашей и щами, обед греть. Почтительного барашка, гуся и трёх птиц счастья отнесли на ледник, яйца зашкворчали в огромной сковороде, со щедрой добавкой свежего масла. Ну что бы мы без нашей кормилицы делали? На тощий желудок совет держать – дело бесперспективное.

– Ну, что господа бароны и баронессы! Будем думать.

Я отметила про себя – перевоплощаться Андрей может виртуозно. Так и занесём в досье – развитые артистические данные, знание местного языка, обычаев. Прогнал он нас потому, что в штанах были – раз, без особой необходимости женщины высокого положения с простолюдинами не общаются – два. Староста признал двоих из нас в лицо. Это факт, даже статус обозначен. Почему – вопрос открытый. Нужно принести документы из большого дома, изучить.

Состав уехавшей баронской семьи, стало быть, уточнить, год проживания, границы владения. И куда они в конце зимы, перед самой распутицей уехали? Вернутся, как договариваться будем? Здравсти, мы ваши тёти, мы приехали к вам жить?

Полгода уже без хозяев дом, и как бы странно не звучало для нас – подданные без руководства. Решили – Андрей изучает документы срочно, он, пообедав, ушёл в кабинет замка. Ребята с ним пошли: в оружейной ревизию надо провести,

себе оружие выбрать. Статусные люди в этом времени без оружия не ходят.

Мы в Идой и Эммой приводим в порядок местную одежду, белье, рубахи, штаны, нижние юбки, сорочки, то что из полотна, с разбавленным щёлоком кипятим. Верхнее платье из дорогих тканей на импровизированных плечиках в мыльне над парящим котлом подвесили. Обувь кожаную изнутри уксусом протёрли, мох внутрь напихали и снаружи «обувным кремом» из масла топлёного с воском смазали.

Ида поясняла, в каком порядке одевается и как называется одежда.

– Это сорочка нижняя, камиза, она не очень длинная, её под платье одевают, спят в ней же, видите полотно какое тонкое? Украшено нежной вышивкой, лентами – это только у богатых и знатных дам. Простолюдинки сорочки из грубого полотна носят. Поверх неё юбка нижняя для тепла или силуэта поддевается, но не всегда.

Сверху сорочки нижнее платье одевают, называется киртл, оно из мягкой, шёлковой или тонкой шерстяной ткани, льна. Прилегающее. Рукав простой, зауженный или прямой. Это платье показывается из под верхнего: иногда видно рукава, по подолу внизу, или в вырезе. Видные места с шитьём серебряными, золотыми нитями, вышивкой.

Самое богатое верхнее платье – котарди. У котарди может быть отделка мехом, драгоценными камнями, шлейф и длинные широкие рукава, завышенная талия и пояс на бёдрах.

рах создают силуэт сложный, изящный.

На камизу одевают киртл, затем котарди. Весь ансамбль должен быть хорошо подогнан, что достигается шнуровками. У платьев всегда есть запас ширины, ибо они очень дороги, женщины часто в положении, одежда передаётся по наследству, продаётся, дарится.

Головной убор соответствует статусу и случаю, по которому наряд одет. Убор для рыцарского турнира и посещения монастыря будет отличаться. Девушки могут ходить со свободно распущенными волосами. Замужние и пожилые носят сложно повязанные платки, шапочки, тюрбаны. В моде генин - высокий конический колпак с вуалью.

Знатная женщина всегда имеет хотя бы простейший обруч из металла, надеваемый поверх тонкой вуали, покрывающей волосы.

Обувь больше походит на мягкие тапочки, из окрашенной кожи, с удлинённым носком. Для богатых с украшениями, пряжками. Шьются туфли одинаковые на обе ноги и в процессе носки усаживаются.

Платья с геральдикой одеваются на приём к высокой персоне, на свадьбу, на турнир, везде, где нужно подчеркнуть принадлежность к роду.

– Девчонки, хватит тряпками трясти, тут такие кинжалы, мечи, ножи, алебарды!!! Даже арбалеты есть!

Вернулись наши парни из оружейной, с трофеями. Виктор, сверкая глазами, возбуждённо говорил о свойствах то-

го или иного вида кинжала, меча, в каком бою применяется, какие раны наносит. Я подержала в руках небольшой, с острыми гранями по всей длине кинжал, знаменитый «Мизери-кордия». Сколько раненых смертельно и не очень, получили через него последнюю милость?

Всё выглядело скромно, если не сказать больше – ничего сверх необходимого. Никаких драгоценных украшений, только функция. Странно, всё - таки знать на личное оружие средств не жалела. Ой, совершенно забыла о ящике с холодным оружием, который я обнаружила на мансарде, перебирая вещи бывших хозяев перед ремонтом.

– Север, Виктор, идёте со мной, поможете. У меня наверху коллекция оружия, нужно ящик спустить.

Рассматриваем. Сила, красота, богатство, власть – воплощённые в холодном, остром металле.

– Только женщина могла забыть, что у неё такие сокровища есть. Про бусики небось бы не запаматовала!

– Да, богато! Это более поздний период, век шестнадцатый – восемнадцатый, смотри Север, дамасский клинок, узор типа древесных колец на лезвии, видишь? Ножны с филигранью. Чернение.

– Вить, смотри кабошон какой крупный на рукояти, неужели настоящий сапфир?

– Это целое состояние у тебя Линда на чердаке лежало.

– Эмма, ты плачешь? Что случилось?

Я тепло обняла её за худенькие плечи и отвела в сторонку.

– Не обращай внимания, вспомнилось ... Вот тут в холле на правой стене ковёр висел, на нём эта коллекция оружия была развешана. Когда война началась, стало ясно, что братья скоро уйдут на фронт. Решили самые дорогие вещи упаковать, с виду убрать. Я и Вальдемар оружие со стены снимали, в ящик со стружками складывали. Наши руки соприкасались иногда, Он смотрел на меня так внимательно, как будто видел впервые. Глаза тёмно – синие у него стали, как этот сапфир. Он рыжеватый был, такие волосы русые с рыжинкой, я так хотела их погладить, прикоснуться, у меня даже ладони горели и вот... и сейчас...

Эмма, всхлипывая, показала свои маленькие ладошки, контрастно красные рядом с белоснежными запястьями.

– Почему, почему я этого не сделала? Я семьдесят пять лет задавала себе это вопрос. Не было дня, а в некоторых днях и часа, чтобы я себя не спросила. Думала, недолго мне уже осталось. И вот опять... снова придётся жить.

Её тихий голос проникал в самую душу, заставляя каждого из нас пожалеть о своём несбывшемся. Накал чувств, пронесённых этой маленькой женщиной через очень долгую, одинокую жизнь, потрясал. В файле «Эмма» появилась информация: уникальная эмоциональная память, психосоматика на уровне сопоставимом с появлением стигматов. Способность к жертвенной любви служению – агапе*.

Редко кто умеет так любить. Я так точно – нет. И семья у меня благополучная, полная. Замуж до 37 лет успела три

раза сходить. Животных обожаю. А вот любить так, чтобы душа звенела – нет, не моё это. Недаром последний муж, хорошо отметив удачный перегон авто, каждый раз пьяненько жаловался, что не люблю я его, такого хорошего. Вот всех люблю, но помаленьку, а кого – то одного и сильно – нет... Нет, нет, и нет!!! Боюсь. От одного только желания сильного чувства, словно чёрный провал передо мной раскрывается и затягивает. Страшно.

– А почему, ты задумывалась, почему?

– Господи, Эмма, я, что вслух говорила?

– Мысли читать не умею. Спасибо за поддержку, Линда. Ты всё – таки подумай, вспомни, почему ты боишься любить. Уверена, для человека это важно.

- Пыталась вспомнить, анализировать. Глухо. Как та стена. Я смирилась.

Мы даже не заметили, как вошёл Андрей с полными руками пыльных свитков. Он привлёк наше внимание возгласом:

– А замок этот с секретом ещё с давних пор.

Как притянутые магнитом собрались и расселись у стола, где мой брат аккуратно раскладывал документы. Рассказ захватил нас, Эмма успокоилась, я поглаживала её по узкой спинке. Основатель рода, безземельный рыцарь по имени Гилберт, был награждён своим сувереном приличным куском земли с девятью крестьянскими семьями за военные подвиги. Скорее за захватнические набеги.

Как водится, стал строить донжон, башню-крепость. При

строительстве фундамента на глубине наткнулись на камень правильной формы, совершенно нехарактерный для местных известняковых пород. Гилберт посчитал это добрым знаком и, заглубив его еще вниз, положил под основание башни. Так писал его правнук, первый в семье овладевший грамотой. С его записей тысяча двести восьмидесятого года от Рождества Христова начиналась родовая книга.

Спустя время замок был захвачен добрым соседом. Причина в междоусобице из-за непонятно кому принадлежащего намытого песком острова посреди петляющей реки. Пытались спастись, уйти подземным ходом и вдруг заметили другой ход, которого прежде не было. Поскольку женщины горячо и громко молились, то решили – это помощь Господа в ответ на молитвы. Люди тогда легко верили в чудеса и, не сомневаясь, вошли туда.

Захватчики недолго радовались победе. В день летнего солнцестояния хозяева вернулись, перерезали спящих «гостей» как цыплят. Вернули себе свои владения и присоединили осиротевшие земли наглого соседа. Чужой кусок не пошёл впрок.

Освоить дополнительные неплодородные гесты Мюннихам не хватило сил, людей, средств и желания. Опустевшая территория, так и называемая Южная пустошь, вновь вернулась в собственность правящего сюзерена. Ещё дважды в летопись семьи были внесены записи об открытии портала. В книге всё было представлено как семейная легенда, но мы

уже знали правду.

– Как то нехорошо получилось, можно сказать, артефакт, родовая святыня, а мы им по стенке колотили, неуважительно пыточным столбом обозвали ... Сидели на нём.

– Ой, Идочка, да ладно, подумаешь, булыжник предок нашёл! Успокойся, никого мы оскорбили.

– Да не булыжник, Андрюш, похоже, правда артефакт, возможно именно он открывает портал во времени.

– Ну, сходи, извинись тогда! Прямо вот представляю, как это будет выглядеть: глубокоуважаемый булыжник ... Ха – ха, три раза.

– Случай представится, извинюсь, и за тебя тоже!

Год у нас сейчас, в соответствии с последними записями, товарищи, тысяча триста сорок шестой, стало быть, середина четырнадцатого века.

- Ну всё! Всё! Вляпались по самое не могу и не хочу!!! Это ж надо! Другого времени подобрать нам не могли! Самый неудачный период в Средневековье. Исходя из количества предоставленного имущества, встряли мы тут всерьёз и надолго.

- Да что такое, Миша, не одна малина, что ли, унитазов нет, и пока не сделаем, не будет, телефонов тоже, какая тогда разница?

- Линда, ты вроде спрашивала, к чему мыши снятся?

- Да ты что!!! Господи, спаси и сохрани, неужто... Я зажала рот, не желаю даже вслух произносить это слово.

- В этих краях чума будет примерно через два года. По эпидемиологии у меня отлично было. В Западной Европе тогда бушевала бубонная чума, умерло более двадцати пяти миллионов человек. Двигаясь по Рейну, по торговым путям, чума достигла Германии. Население целых городов вымерло, люди пытались похоронить всех умерших в общих могилах. Тут же заражались.

Чума не выбирала между богатыми и бедными, между дворянами и крестьянами. Короли, герцоги, графы, бароны, простые люди становились жертвами Чёрной Смерти. Перед ней все были равны.

Средневековые врачи пытались бороться с болезнью с помощью кровопускания и других примитивных методов, но большинство людей были уверены, что это божья кара за грехи. Покорно принимали свою участь. Люди массово посещали храмы. Снова инфицировались. Некоторые христиане даже обвинили во всем евреев и начали массовые погромы.

Чёрная смерть утихла на Западе Руси где-то в тысяча триста пятьдесят третьем году, она забрала с собой примерно пятьдесят миллионов человек — больше половины населения Европы. По уровню демографии человечество откатилось на тысячу лет назад. В развитии цивилизации и прогресса наступило отставание на несколько веков. То, что было в прошлом, для нас стало настоящим.

- Вот именно, Миш. Ты перебил меня, я не договорил. Вот крошечный рулончик бумаги, это письмо голубиной по-

чты. Здесь написано, что в Генуе — чума. Некое семейство генуэзского купца Тургезе не может отправить в Мюнн свою дочь, Идалию Тургезе, в качестве невесты барона. Чуму надеются пережить в высокогорном поместье. На всякий случай прощаются...

- Ничего себе фортель... Я Идалия Тургенова.

- Наши Идалия и Мисаил вполне за латинян сойдут, брюнеты. Давайте их считать братом и сестрой Тургезе. Якобы мы туда съездили, их с собой привезли. Вполне рабочая легенда, как считаете?

- По этой легенде я твоя невеста, Андрей, — уловила сразу самую суть Ида.

- А я что? Я хоть сейчас!

- Ближе к теме, господа аристократы! Если на вопрос «как» попали мы ответить никогда не сможем, то на вопрос «для чего» ответ ясен. Почему именно в это время? От нас требуется изменить ход истории человечества. Чума — глобальное событие. Если сценарий пойдёт по другому пути, то эффект бабочки будет колоссальным.

- Виктор, разве мы имеем на это право? Ты осознаёшь уровень ответственности?

- Мы никаких разрешительных, запретительных документов не подписывали, это первое. Второе — зная, что умирают люди, а погибнут ещё больше, мы что, даже не попытаемся часть их спасти?

Как тогда с принципами гуманности? У нас зря в команде

медик затесался? Третье — совершенно не представляю, каким образом несколько человек могут повлиять на ход пандемии столь летальной болезни.

- Бубонная чума — бактериальное заболевание, высоко контагиозное. Первичные носители чумной палочки — грызуны. Переносчиками являются блохи, они тут повсеместно. У людей даже блохоловки личные есть. Борьба с ними, чистота, навыки гигиены. Карантины, кордоны, запрет на перемещения, на любые собрания, самоизоляция. Сборы, усиливающие иммунитет, и приличное питание. Маски, дезинфекция щёлоком, уксусом.

Лекарств для уже больных нет. Хороший уход, прополис, эфирные масла можно попробовать. Впрочем, заболевших нужно изолировать от семьи и лечить лекарям. Методов много, они смогут замедлить, даже приостановить ход чумы. Просто раньше о них не знали. Только как донести информацию до огромного количества людей, на огромные расстояния да ещё и заставить выполнять? За такой короткий срок? Не знаю.

- Да проще простого. Вначале было Слово! Предлагаю писать письма счастья и распространять самим на первом этапе. Далее они просто самовоспроизводятся. Бумаги у нас много, я пока документы оформляла, две пачки извела, и ещё три осталось. Вот какая красивая, видимо, это самая дорогая. Подойдёт для оригиналов. Надавим авторитетом папы Римского, императора Священной империи, печати под-

делаем! А больше всего страх заставит выполнять предписания. Ну, как вам моя идея?

- В данной ситуации просто гениально, Амелиндочка!

- У меня почерк каллиграфический, по чистописанию я первая ученица в приюте была. Немного с гусиными перьями потренируюсь.

- Если так, то я изложу все требования, условия для остановки чумы, лечение, а ты, Эмма, перепишешь многократно. Нет, ещё лучше идея! Андреас! Ты сможешь зарифмовать мой текст на манер Салернского Кодекса здоровья? Ты ведь читал этот документ? На двух языках, германском и французском?

- Раз плюнуть! Или два. Неграмотный народ наизусть сможет выучить.

- Нам нужны красиво оформленные якобы первые экземпляры. Виньетки нарисую, подписи, печати, только если будут образцы. Дизайн такой сделаю, папа Римский позавидует и не сможет от авторства отказаться. Если чуму переживёт. Пойдём работать, чего тянуть то?

- Пошли, жил был художник...

Глава 19. Мужская мода.

Утро — это когда солнце начало вставать, а не будильник в телефоне прозвонил. Пятое по счёту в этом времени утро началось вовремя — на рассвете. Будильник мычал, визжал, блеял, ржал, кудахтал и виртуозно матерился на чистейшем старогерманском языке.

Проспали! Пригнали господскую скотинку из деревни, в полном соответствии со вчерашним распоряжением господина барона.

Наши парни, спешно натягивая штаны, выскочили во двор. Высокородные дамы прилипли к окнам. На дворе царил суматоха. Три до крайности оборванных и замурзанных мужичка, совсем уж мелких габаритов, щёлкали кнутами, загоняя животных во внутренний двор. Подоспевший первым Север командовал, куда загонять коней и коров. Они спокойно зашли за ним в стойла, но козы и овцы бестолково метались, не желая заходить в загон.

Из опрокинутых корзин вылетели и стали заполошно летать по двору голопопые куры во главе с недощипанным петухом. В мешках на телеге истошно визжали свиньи, обиженные тем, что не принимают участия во всеобщем веселье.

Миша с Витей бегали за большим бараном. Видимо, он был в их глазах особо почётным трофеем. Мы открыли окна и, наполовину высунувшись, ехидно комментировали ков-

бойские игры.

Все участники устали, за исключением господина барона, который, заняв стратегическую позицию у центральной высоты, то бишь навозной кучи, отдавал приказы. Я взяла на кухне хлеба, в кладовой жменю крупы. Определила главного козла, глаз у меня на них намётанный, предложила понюхать взятку, мы с ним медленно двинулись в овчарню, за нами спокойно потрусил всё мелкорогатое стадо.

Парни быстро закрыли створки. Велела всем отойти к телеге. Встав в центре двора, всё у того же объекта номер один, я высоким, донельзя противным голосом завопила putt-putt! putt-putt! putt-putt!!! (цып-цып-цып!). Высоко взмахнув рукой, бросила зёрнышки. Отскочила, чтобы не затоптали. Быстро посчитала кур. Семнадцать, плюс петух. Со двора им деться некуда, как миленькие вечером сами в курятник спать пойдут. Тем более холодает вечерами, а они линяют.

С визжащими мешками деревенские управились сами, по приказу Андрея их определили в самый дальний от дома сарай. Стало тихо, даже скучно. Не хватает мозгу из двадцать первого века развлечений!

– Все свободны, я сам проверю состояние и приму скот по счёту.

Север махнул рукой, пошёл на скотный двор.

На поздний завтрак сегодня была каша молочная, хлеб с маслом и сыром, омлет, кофе с молоком! Север, оказывается, ещё и доить умеет! Вот что значит деревенское бабуш-

кинское воспитание! Ценный кадр в нынешних условиях выживания.

Работников он сам определил на постой в комнату в служебной части замка, где было пять топчанов. Отнёс им горшок каши с маслом, хлеб и сыр. Определил фронт работ на сегодня. Нас, девушек, сегодня ожидало ещё одно развлечение: облачение парней в современную одежду! К полудню они должны были показаться во всей красе, как сопровождение Андрея в деревне.

Подготовленная пропаренная одежда отвиселась, приобрела аккуратный вид. Красные башмаки барона сияли. Оружие, пояса выбрали побогаче. Теперь это нужно было всего лишь одеть на себя. Ида была главным консультантом по надеванию средневековых штанов-кальсон – брэ, подвязыванию чулок и прикреплению оных к штанам.

Особенно активно барон сопротивлялся надеванию штанов-пуфиков. Естественно, попутно мы прослушали лекцию о средневековой мужской моде. У знатных мужчин тоже есть камиза, затем нижняя рубашка прилегающего в талии силуэта: пурпуэн – короткая, обтяжная, с застёжкой-шнуровкой, безрукавная или с длинным рукавом. К пурпуэну или к брэ обычно крепились штаны-чулки, туго облегающие ноги, называются – шоссы.

Поверх пурпуэна надевали узкое, короткое либо удлинённое котарди с застёжкой спереди на пуговицы и декоративным поясом по бёдрам, носили также жакет с рукавами, рас-

ширенными и собранными по окату буфами. В костюме такого типа использовались ватные прокладки в области груди, гениталий (гульфик) и валики на плечах – для хорошей посадки и подчёркивания мужественности облика.

Обувь остроносая, называемая пигаши, длина носочной части находится в зависимости от общественного положения ее владельца. Вплоть до того, что конец носка пристёгивался на цепочке к поясу, чтобы ходить. Цвет обуви богачей тщательно подбирали к нарядной одежде: белый, пурпурный, из золочёной кожи, с драгоценностями.

По форме мужская обувь тоже была одинаковой. Без левой, правой. На среднюю ногу. Прямой свободный силуэт имело «сюрко», длинная, безрукавная одежда, надеваемая на котту или рыцарскую кольчугу. Из всех предметов мужской одежды знати только нижнее бельё шили из тонкого льняного полотна, остальное – из шерсти, шёлка, парчи, бархата, который был самой модной тканью.

Головные уборы этого периода: капюшон, шаперон – драпированный головной убор с длинными спускающимися концами, суконные и фетровые шляпы с конусообразной тульей, с полями и без полей. Береты. Причёски мужские – длинные с локонами и короткие с чёлкой на лбу.

Костюм ремесленников и крестьян состоял из камизы, пурпуэна со шнуровкой, шоссов и мягких кожаных башмаков. Однако грубые ткани, из которых его изготавливали, и мрачные, тусклые цвета резко отличали его от костюма зна-

ти. Поэтому Андрей сегодня одет ярче всех.

— Как это можно самому надеть? Как вообще можно такое носить! Мне срочно горничная нужна! — капризничали наши мужественные красавцы.

— Мне нравится мой костюм, смотрите, как я резко увеличился в объёме во всех стратегически важных местах!

Худощавому Михаилу мы подобрали тёмный строгий костюм с плечевыми прокладками по окату рукавов. Виктору и Северу нашли военные коричневые костюмы с подкладом под доспехи, раз они решили покрасоваться в кольчугах и шлемах, изображая охрану.

Андрей в своём красном костюме выглядел как клоун на средневековой ярмарке. Его шоссы в обтяжку и пышные короткие штанишки так смешно контрастировали с пигаши, что мы не могли удержаться от улыбки. Причёска, созданная им самим напоминала ирокез, который только что вырвался из рук парикмахера-экстремала. Тогда Идалия взялась за него: смочила локоны пивом, завила бывшей своей плойкой, которая при переходе стала щипцами для горячей завивки. Мой братец при этой процедуре жмурился, как кот на солнце, и отчасти примирился с модой.

Остальные ребята тоже не отставали в своём стремлении выглядеть как средневековые воины: нацепили на пояса оружие, надели кольчуги. Такое впечатление, будто вооружение было позаимствовано из арсенала времён Робин Гуда. Всё это великолепие ещё нужно было взгромоздить на коней; ко-

ни были вычищены, осёдланы конюхом, ждали у коновязи. Хорошо держался в седле только Север, а вот остальные наминали мешки с картошкой, которые случайно привязали к лошадям. Залезали с чурбачка. События развивались столь стремительно, что даже потренироваться в езде не успели. Хорошо ехать близко. Дамы помахали платочками, и мужчины отправились по своим делам.

Кавалькада, оглядывая окрестности, неспешным шагом потрусила в сторону деревни. Местность была слегка холмистая, почва песчаная, местами в низинах болотистая. Лесов как таковых в поле обозрения не наблюдалось, лишь пойма реки поросла кустарником и невысокими деревцами. Неброская красота.

Слабо наезженная грунтовка петляла по низу холмов, самый высокий из которых был не более двадцати метров. Сухой август будет благоприятен для уборочной страды. Обсуждая погоду и виды на урожай, в лучших традициях землевладельцев, четвёрка приблизилась к деревне Мюнн.

Деревушка располагалась между трёх сходящихся холмов, вписана в природный ландшафт идеально. Склоны возвышенностей плавно перетекают друг в друга. Самая нижняя часть была заполнена зеркалом вытянутого озера, в него впадала и затем вытекала узкая речка с заросшими ивняком и камышом берегами. Это придавало пейзажу законченность, естественность и гармонию. Был виден изрытый копытами животных берег реки – водопой на выходе из озе-

ра.

Домохозяйств было двадцать восемь, каждый двор включал в себя дом, амбар, сарай, хлев, огород. Вид у деревни был вполне себе зажиточный. По меркам Средневековья, разумеется. Даже деревья росли на улице. Никаких шалашей и земляных нор не было.

Крыши были крыты камышом и соломой, иногда черепицей. Рядом было пастбище, несколько телят, жеребят, множество козлят и ягнята скакали, задрав хвосты в загородке. Озеро по берегам имело несколько мостков, гуси и утки нагуливали осенний жирок. Стояли смётанные стога, дополняя идиллическую картину умиротворённой деревенской жизни.

Глава 20. Подворовый обход.

Планировка деревни состояла из двух улиц, образуя мощёную площадку-перекрёсток, рядом с ней располагался круглый каменный общественный колодец — центр общественной жизни. Мощный дуб рос невдалеке, давая летом благодатную тень для кумушек, что пришли за водой и, сцепившись языками, проводили здесь немало времени.

Вот здесь барона со свитой ждало почти всё население Мюнна, люди пришли семьями и буквально сидели на мешках, держали на верёвке овец, коз. Выставлены большие блестящие горшки и бутылки с маслом. Женщины держали какие-то свёртки, узлы, мотки пряжи, перекинутые через плечо. На досках стояла посуда, тюки шерсти, корзины с овощами. Больше всего было мешков с зерном, крупами и мукой.

– Ярмарка у них тут что ли?

Недоумевающим взглядом обводил этот гимн натуральному хозяйству Виктор.

– Лучше, дружище. Это оброк. Всё предназначено барону. Упреждаю твой вопрос — даром, бесплатно. Арендная плата за пользование господской землёй, — просветил его Андреас.

– Понятно, то-то лица у них не больно приветливые. Кланяются, а как исподлобья зыркают!

– Господин барон, господа! – Уже ломал перед парнями шапку знакомый староста. – Вот принесли оброк за год, всё

как приказано.

— Зовут тебя как?

— Честь для меня какая, господин барон, имя моё Август, если забыть изволили.

— Так вот, Август, глухой ты пень, приказано было праздник вечером устроить, до того приготовить к счёту зерно да скот, чтобы знать мне, как вы жить другой год будете, в голоде или сытно. Про оброк речи не было.

— Дык срок уплаты пришёл... Это как же это... По домам обратно, что ли?

— Да, теперь новый порядок будет, оброк прямо во дворе выкладывать. Я или управляющий мой, вот он — господин Северин; сначала хозяйство смотреть будем, чтобы понять, вмочь или невмочь семье назначенный оброк платить. Понятно?

- А ежели невмочь?

- Решим. До нитки обирать не будем.

— По дворам, по дворам несите оброк, там принимать будут!!!

Удивлённо друг с другом пересматриваясь, люд загрузился и разошёлся по домам. Начался подворовый обход. Первым в народ пошёл Миша, его Андрей представлял как своего врача, приказывал слушаться беспрекословно. Михаил спрашивал, есть ли больные, увечные, с ранами и травмами, беременные, когда рожать, велел показывать детей, распелёвывать младенцев.

Он, оказывается, свой дежурный чемоданчик, точнее саквояж прихватил. Содержимое преобразилось в соответствии с эпохой, нержавеющие стальные инструменты не изменились. Теперь при необходимости Миша оказывал первую помощь — обрабатывал бытовые и производственные травмы, ожоги, вскрывал чирьи.

Вправил вывих, отчекрыжил фалангу гниющего пальца, записывал в тетрадь карандашом состав семьи, имена, возраст, болячки и даже упитанность крестьян и детей. Народ был разной степени худощавости, были истощённые. В одном доме, после осмотра хозяйки и детей, он запретил взымать оброк.

В деревне умерла зимой старая травница, а её преемница, внучка, девочка лет четырнадцати, была ещё неопытна и умела только самые простые сборы трав и отвары делать. Однако она справилась с болезнями ослабевших от недоедания крестьян и их детей. Михаил очень хвалил девочку по имени Верена.

Она принесла оброк за пользование лесом, его ресурсами. Сдала его господину лекарю, с пояснениями, и успокоилась только тогда, когда он записал названия и где что лежит. Множество различных трав, плодов, корней и ягод, тщательно просушенных, рассортированных по мешкам — отличный ресурс там, где нет лекарств.

В это время Север обходил двор, амбар, сарай, хлев, считал мешки с зерном, шерстью, мукой, репой, овсом и прочие

припасы — громко сообщал количество Андрею, он записывал. Со слов Августа и хозяина подворья записывали количество скотины, птицы.

Виктор прямо на земле прутиком считал, сколько того или иного продукта приходится на душу семьи, включая детей старше трёх лет. По приблизительным нормам питания, которые озвучил господин врач, выходило, что треть от собранного продуктового оброка надо возвращать, чтобы люди хотя бы не голодали.

Из подготовленных к оброку продуктов и скота, птицы вернули обратно крестьянам даже больше — половину. Третью часть шерсти, тканей грубых шерстяных и полотна, плотницких, кузнечных, гончарных, бондарных изделий тоже вернули. До вечера таким порядком успели обойти всего девять дворов. Записали состав семьи, возраст, условия проживания, примечание: инвалиды, приёмные дети, солдатские вдовы. Орудия труда, что есть, что нужно. Таким образом началось заполнение похозяйственных книг на каждый двор. Ученические тетради из нашего временигодились, с бумагой тут явная напряжёнка.

Селяне настороженно отвечали на вопросы. Интерес к подробностям их жизни казался им странным. Доброта и возврат части оброка — тем более. Как бы новый налог не придумали, да оброк не увеличили, что-то господа больно любопытны!

Глава 21. С скромный деревенский праздник.

К вечеру барон напруг старосту:

– Ты к празднику все распоряжения сделал? Готово?

Уже через полчаса, довольно улыбаясь, Август просил многоуважаемого барона с господами сопровождающими почтить вниманием скромный деревенский праздник. Этакий сабантуйчик местного розлива. Столы и лавки вынесли на улицу, на берег озера, из каждого дома принесли блюда, господину барону из дома старосты вынесли стул и оловянную посуду. Остальная посуда была из глины, дерева, даже коры.

Почётное место на столе занял бочонок эля, женщины шустро нарезали гостинцы: окорок, испечённый свежий хлеб, колбасы и сыр, ароматно пахли горячие пироги, пирожки и булочки. Слезилось холодное масло, радовало глаз разнообразие овощей, зелени и запечённой птицы. Яичница на огромном противне с салом и луком дополнила спектр запахов и красок.

Слегка умытые и немного чище одетые селяне рассаживались странно: женщины по одну сторону стола, мужчины – по другую. Господин предложил всем сперва покушать и выпить, аппетит собравшихся зашкалил, минут двадцать об-

щество набивало животы.

Затем барон почтил народ речью: все молодцы, работали хорошо, obroком с девяти дворов доволен. Завтра-послезавтра в деревне будет продолжаться перепись населения и сдача obroка. После переписи всем готовиться к бартерной ярмарке на поляне перед замком, излишки товаров и продуктов с окрестными деревеньками обменивать будем. Соседей пригласим. Может, что сами купим у вас.

Деревню ещё одну ставить будем. Тесно живёте, женатых старших сыновей надо отделять. В общем, жить будем весело, жить будем хорошо! Молчавшие до этого селяне зашумели, видимо, жилищный вопрос был во все времена наболевший.

Август в ответном слове благодарил за отеческую заботу, оставленный в уплату за уход приплод, особенно за соль. Довольный сам собой уселся на место, сцапал сладкий пирожок. Макнул его в подтаявшее масло и только рот открыл...

– Хитришь ты, Август! Хоть для нас стараешься, а хитришь! Пожилая тётушка в странного фасона чепце невежливо ткнула в старосту узловатым пальцем.

– Я честно соль поделил, приплод раздали тем, кто скотину смотрел, угощение господское на столе. Что ты меня перед господином бароном позоришь! Красное лицо старосты побагровело.

– Уважай старость, Август! Дай ей сказать!

– Правильно, негоже родную мать перебивать!

– И скажу, терять мне нечего! Господин барон недавно наследовал баронство, мы все знаем: он молод, на пирах, балах, охотах время проводил. Старый барон крепок был, помирать не собирался, сына пока не заставлял в хозяйство вникать. Преставился внезапно.

Ты, Август, этим пользуешься, не подсказываешь ничего. Где это видано – оброк возвращать? Чем барон налог графу платить должен? На что воинов вооружать, нанимать? Лечить нас стал бесплатно! Сколько стоит лекарское лечение? Мы этого даже не знаем, они господ только пользуют. Никто яйца куриного лекарю не дал в уплату!

Почему никто не скажет, что дети в эту зиму лишь благодаря баронским козам и коровам выжили? Ведь один только помер, и то мать заспала! Приплод во владение дали – не кланяться, в ногах за него валяться надо! Отработать почестному. Даже цыплят не вернули! Ишь, уработались они, ухаживаючи! Когда у вас бы хорошие лошади появились и коровы? На всю деревню одна мельникова кляча и две мелких коровёнки, молока дают, что козы!

Сейчас смотрите: пять жеребят и три телки, два бычка – вырастут, хозяйства как поднимутся! И вид все делают, что так и надо. Дома им ставить! Было такое когда-то? Да никогда! А если разорится баронство?

Уж и не ведаю, по незнанию наш барон так хозяйствовать начал или по доброте душевной, только негоже защитника нашего единственного так обманывать, обирать!

Расхрабрившаяся под конец речи женщина аж пристукнула ложкой по столу.

– Как зовут тебя, уважаемая? – подчёркнуто ласково спросил барон.

– Августа я, матушка этого хитреца по имени также Августа.

– Не моё дело господам подсказывать, – хмуро произнёс уже лиловый от стыда староста.

– По расчёту я так хозяйствовать буду, Августа, по расчёту, так в ромейских землях хозяйствуют. С умом и задумкой на будущее. Ты собирайся. В замок поедешь.

– Ох, Господи! Помилуйте! Забыла своё место! Вздумала своего доброго господина учить! Оскорбила Вас! Дура, дура я старая, семью только прошу, не трогайте!

Пожилая тётушка быстро перелезла через лавку, грохнулась на колени и всерьёз вознамерилась ползти за помилованием.

Видимо, наказание за оскорбление аристократа простолюдином суровое.

– Экономкой тебя назначаю, жалованье положу, стол, кров, одежду и подарки к праздникам. Женщина с достоинством поднялась, опираясь на услужливо предоставленную соседкой руку, отряхнула юбку, быстро сделала лицо баронской экономки, поклонилась и пошла домой, видимо, собирать вещи.

– Отработать за всё придётся, зря посчитали вы барона

добреньким. По его приказу до холодов будете строить общественную лекарню, мыльню и прачечную. В каждом дворе в укромном углу яму для нечистот – нужник, рыть будете. Во дворе каждом свой колодец будет.

Грязно живёте, вши, в домах блохи. Роженицы мрут от родильной горячки, а она от грязи! Животом маетесь – от грязи! Из-за малой ранки умираете – от грязи! Так Господь наш наказует ленивых грязнуль! В чистом теле – чистый дух!!! Чистый дух угоден Господу!

Господина докторуса выслушали со вниманием. В тишине кто-то икнул. На него шикнули. Минутой молчания крестьяне почтили скончавшийся старый миропорядок. Потом помянули его же, добив угощение и остатки эля.

– А сейчас танцы! – взмахнул платочком барон. Без всяких прелюдий группа деревенских музыкантов числом трое выдала что-то ритмично-разухабистое. Немало подивились крестьяне новомодным па, которые выделявали барон и его команда в пушистых штанишках. А то ж! Моды такие нынче от ромеев переняли, ишь, как трясёт задом-то! Ну-ка, попробуем как они, поддержим благодетелей!!!

Глава 22. Вы с ней единокровные сёстры.

Когда почти затемно наши подгулявшие парни возвращались домой, навстречу им по дороге попалась та самая, единственная в деревне кляча, понуро-философски волокущая огромную телегу с навозом.

Возница – скотник Ганс, с поклоном приподнял шляпу. Оказывается, тетушка Августа, переезжая в замок немедленно после назначения, вместе со своим сундучком загрузилась частью нашего оброка. Обратный рейс порожняком тоже гонять не стала.

– Экономка должна быть ик-кономной! – изрёк банальность подвыпивший барон, сползая с коня многострадальной титулованной задницей. Поскольку все были сыты и пьяны (мы с девушками дома тоже позволили себе на ужин по бокалу вина), то отошли ко сну. Моя очередь проверить ход в подвале была сегодня, заодно посмотрю, как устроилась экономка.

Портал по-прежнему маскировался под каменный пол, ничем себя не проявляя.

Августа поселилась в примыкающей к кухне малюсенькой пустующей комнате. Там была всегда тёплая стена.

Грубо нарушив трудовое законодательство, она припрягла после окончания рабочего дня к своему благоустройству несовершеннолетних конюха Руди и пастуха Отто.

Меблировала скромно, но со вкусом, заправила топчан, поставила свой сундук, уже даже салфеточки разложила. Шуганула из служебного жилья парней, они переехали в амбар, где, оказывается, была отгорожена жилая половина с очагом и простой мебелью для мужской прислуги.

Большая комната, которую им до того предоставил Север, предназначалась для женской obsługi. Тоже верно, горничные, кухарка, судомойка, швеи, няни, кто там еще по штату – все должны жить в доме. Она даже не забыла привезти ребятам гостинцы с праздничного стола. Уникальная женщина.

Это и правда были ребята. После того как, во исполнение приказа доктора, они отмылись в озере, заскорузлую грязь нежно песочком оттирая, стало видно, что это даже не юноши, а подростки. Руди был старший, ему шестнадцать, Отто было почти четырнадцать. Гансу только исполнилось пятнадцать. Мои сомнения по поводу эксплуатации детского труда быстро развеяла уважаемая Августа.

– Это где Вы тут детей увидели? Женилка выросла? Мужик! Руди зимой отец женит уже. Пусть работает. Ему на обзаведение деньги нужны, невеста сирота – бесприданница. Август велел на ней жениться. Ей семья и защита нужна.

– Кто же невеста?

– Внучка покойной травницы нашей – Верена. Та, что тра-

вы вам в оброк сдала. Мать у неё вторыми родами скончалась вместе с младенцем.

– Отец тоже умер?

– Отец-то? Да, тоже умер... Нешто Вы, баронессочка, не знали?

– Да кто мне скажет? Крестьянин помер, нас, женщин в семье, об этом в известность не ставят.

– Значит, точно не знали. Бастардка Верена, и отец её – наш покойный барон! Батюшка, значится, Ваш. Вы с ней единокровные сёстры.

Я в полнейшем ошеломлении уставилась на экономику. У меня есть сестра! Пусть таким странным образом, но она у меня есть!

- Говорят, признать хотел, да госпожи боялся, что изведёт девчонку. Любил её покойную мать барон, не бедствовали они при нём.

Второй ребенок – мальчик, тоже от него. Он Августу моему говорил, родится, сразу обоих признает, не успел. Да и мальчонка сразу помер. Мы немного помолчали. Господи, ну кто они мне? А в груди словно всё застыло.

– Вот как всё сложно... Мы посмотрим на девушку, обсудим вопрос приёма Верены в семью, матушки ей бояться не надо. Я буду настаивать на этом.

Если признаем, то про невесту Руди может забыть. Негоже нам родной крови чураться. Не её грех. Батюшкин. Ей ничего пока не говори – это приказ!

Н-да, почаше надо беседовать с Августой. Примерно так: «Новости есть? Какие, что у кого случилось? Пока в отъезде мы были, что люди говорили? Про то, как батюшка скончался, что в народе говорят?». Вопросы, на которые ответ не знаешь, а вроде должен, надо задавать умеючи. Перепроверять тоже надо, несколько источников дадут более объективную информацию.

– Спокойной ночи, Августа!

– И вам сладко спать, госпожа!

Да, где-то в натуральной кожаной сумочке, бывшей дерматиновой, лежал флакончик мутного стекла с красивой надписью пером на этикетке «Novopassit».

Мышь снова пришла в гости к Пучеглазке.

Тёрла мордочку, плакала в усы:

– Вот ты скажи, милая, наяву, что ли, к хозяйке твоей прийти? Что ж бестолковая она у тебя такая, беспамятная?

– Ой, и не говори! Мы с Голосом уже днём и ночью к ней стучимся, не слышит!

– Ничего, ничего! Скоро нужда припрёт, всё вспомнит! А что не вспомнит, то поймёт!

Глава 23. Руди - он и есть Руди.

Традиционно в этом времени, так же как и в правильные другие времена, в доме главенствует старшая в роду женщина. В её управлении находится экономка, многочисленные слуги, приходящие работники. Она определяет количество необходимых для нормальной жизни поместья разных припасов, продуктов. Следит за порядком в доме, здоровьем семьи и слуг. Организует приём и размещение гостей.

При необходимости она замещает хозяина замка. Милует и наказует. Принимает важные решения. Все эти обязанности навалились на Эмму. Ей повезло, что в прошлой жизни у неё был опыт. Также в приюте немецких девочек в обязательном порядке учили вести хозяйство, но масштаб разительно изменился. Сейчас она не одна, главное – разумное управление, умение делегировать полномочия, подчинённых прежде у неё не было.

С контролем прекрасно справлялась вездесущая Августа. Она умело, как строгая бабушка с внуками, управлялась с тремя мальчишками, не гнушаясь заслушивание дать подзатыльник. Подступала к Эмме с вопросом о горничных и кухарке.

– Мы не будем пока жить в большом доме, поэтому уборку там ежедневно делать не надо.

– Это ладно. А как же господам без личной горничной?

Причёски делать, одеваться, горшки вон по утрам сами выносите, не по чину такое, – артачилась экономка.

- Готовите себе сами, нешто госпожи должны чёрной работой себе ручки утруждать?

В её голосе было столько возмущения, словно это она знатная дама и её заставляют работать.

- Вот узнают деревенские, уважать перестанут.

– Досточтимая Августа!

В голосе Эммы появились скорбные нотки.

– Мы не в том положении, чтобы нанимать сейчас весь штат прислуги. Хозяйство в упадке. Мой покойный супруг, дорогой Харальд, упокой Господи его душу, был человеком весёлым, добрым, щедрым и беспечным.

Он даже сына не удосужился ввести в хозяйственные дела, в которых сам, впрочем, смыслил мало. Чтобы выплатить налог графству в этом году, нам придётся экономить на всём. Предстоит свадьба, огромные расходы.

Сын решил хозяйствовать как сват в своём поместье, в Генуе. Не обдирать до нитки крестьян, дать им возможность стать зажиточнее, с этого у баронства больше выгоды будет. Но это в будущем, пока нужно приспособиться.

Мы в дороге научились обслуживать себя сами, помогать друг другу одеться, причесаться. Госпожа Идалия не аристократка, она научена и умеет хорошо готовить, вести хозяйство своими руками.

– Она подлинное сокровище для семьи! Комплимент Ав-

густы прозвучал двусмысленно, она быстренько поправи-
лась:

– Уж такая раскрасавица, глаз не отвести! Добра и набож-
на, ребят вот вкусненьким подкармливает. Нрав весёлый,
всё песни поёт на своём языке. Когда свадьба будет? Девица
незамужняя, в самой поре, под одной крышей с женихом...
Как бы чего не вышло допрежь времени.

– Нам родители её доверили, брата Микаэля в сопровож-
дение и присмотр дали. Всё честь по чести.

– Так господин лекарь брат ей? Ну да, да, похожи то как,
чернявенькие, известное дело -латиняне.

– Свадьба после уплаты налога графу, не раньше. И ещё,
позови в дом невесту Руди, как её там?

– Верена, госпожа.

– Пусть придёт, поможет в доме Иде по хозяйству. По-
смотреть хочу на неё.

– Как прикажете, госпожа. Руди сам к вам просился.

– Зови.

Руди явился незамедлительно, испросил позволения из
оборочного овса взять несколько мешков для коней.

– Исхудали лошадки, госпожа, с весны только на траве да
на сене, кони рыцарские, не крестьянские, им овёс надобен.

– Руди, ты хорошо лошадей знаешь? Уход, корма, сколько
им чего надо?

– С измальства я при конюшне, госпожа, сами знаете, да-
же жеребят принимал, а как конюх старший с семьёй ушёл,

так я скоро год почитаю за него. Больше никому. Когда на постое в деревне ваши кони были, я по дворам ходил, проверял, как содержат. Весной их в соху впрягали, ругался, не разрешал долго пахать. Они же не приучены.

– Спасибо, Руди, за добрую службу. В другой раз, если что им потребно, сам берёшь, мне только говоришь, сколько чего взял, для учёта.

– Понял, благодарю за доверие госпожа, стало быть, вы меня старшим конюхом, как обещали, назначаете?

– Уже назначила. Только простого конюха у тебя в подчинении пока не будет. Жалованье немного добавлю, лошадей всего шесть. Жеребят отдали в хозяйства.

– Скоро семь будет, Буянка жеребая. Еще у меня в ведении вся сбруя, упряжь, три телеги, санный возок и карета, также коляска прогулочная.

– Карета?

– Да, за карету тоже старший конюх отвечает, впрячь, выпрячь, в порядке содержать. Карета у вас богатая, заграничной, тонкой работы, за ней уход особый надобен.

Это за жалованье он так умно торгуется? Похоже на то. Я прислушивалась к диалогу матушки и конюха, потихоньку разглядывала парня. Руди он и есть Руди, рыжий, вихрастый, стрижен под горшок, приветливое, конопатое, немного вытянутое лицо. Светло-зелёные в крапушку умные глаза.

С места мне не сойти, если он глуп, каким хочет казаться! Необходимость выживать, приспособливаться в обществе,

где ты самый бесправный, развивала в крестьянах сметливость, артистизм, наблюдательность.

В папочку с пометкой «Руди» ушла формулировка «умение манипулировать людьми выше по положению, используя лесть, признание, свою полезность».

Самое главное: у нас есть карета!

– Где стоит карета, Руди?

Так, успокоилась! Без восторгов. Ты в ней полгода якобы ездила.

– В каретнике, госпожа.

Действительно, где же ей быть. Нам вот только не доложили. Я, обернув два раза висящие до пола рукава вокруг локтей, высоко задрав платье, поскакала за Руди в каретник. Он примыкал к амбару, внутри в рассеянном свете увидела...

Боже! Это он??? Он! Мой «Опель»! Опелёчек, оп-ля-ля!!!! Невозможно его не узнать в этих плавных, несвойственных средневековой обводах, форме слюдяных окон, благородном глубоко чёрном лаке с серебряными инкрустациями на дверцах.

Салон был как у автомобиля VIP-класса: в светлой коже, с лакированными деревянными вставками. Багажник располагался под сиденьями и сзади. Фонари красивой ковки, овальной формы с толстыми свечами внутри располагались внутри и снаружи кареты. Пружинных рессор не было, их заменяли широкие переплетённые кожаные сыромятные ремни. Укачивать будет точно, но не трясти. Ну хоть что-то.

– Руди, сколько лошадей самое большое в неё можно запрячь?

– Да хоть шестёрку цугом, только кучер нужен умелый и лошадей надо приучить. А где лошадки, на которых вы вернулись?

– Э-э, Ольденбург проезжали, понравились купцу одному, он на следующий день приехал, купил.

– Хорошие были, наверно, лошадки? Эх! Жаль!

Кстати, коляска прогулочная двухколёсная неуловимо напоминала новый байк Андреаса, цветом-то уж точно. Интересно, понял он или нет? Принцип переброски стал ясен: всё, что имелось у нас в том времени в пределах поместья – с нами, лишь трансформировалось в соответствующую этому времени форму и содержание.

Для нас эти вещи, книги, одежда, посуда, ткани, мебель, зеркала, стёкла, инструменты, механизмы и прочее — важнейший ресурс для выживания, приспособления и прогрессорства в Средневековье. Одна подзорная труба и бинокль чего стоят! Ничего не стоят, бесценные атрефакты!

Эмма, я и Андреас заметили уже не кардинальные для нас, постепенно происходящие небольшие изменения внешности. Могущественный Кто-То пожалел нашу нервную систему и дал время привыкнуть к изменениям. Да, в психологии он разбирается: резкая смена имени и внешности затрагивает базовые личностные качества, это как потерять себя.

Баронесса за одну неделю слегка пополнила, бывшие по-

что навывкате глаза стали более нормальными, серо-голубыми, щёчки приятно округлились; стали гуще, отросли заметно её белокурые волосы. Мне кажется, что дело здесь ещё в оздоровлении организма, она перестала утомляться и жаловаться на сердцебиение.

Часто смотрела в зеркало, привыкала. Внешность Эммы претерпела самые сильные изменения, ей было нужно вспомнить себя в этом возрасте. Привыкнуть.

Глава 24. Месяц, как мы обживаемся в этом времени.

В моей внешности происходили некоторые неявные, постепенные изменения. У меня нос чуточку увеличился. Стали более яркими серо - зелёные глаза, но сохранили прежний разрез и размер, волосы росли с бешеной скоростью, как у Рапунцель. Вес понемногу, но неуклонно увеличивался.

Ранее я тоже стройняшкой не была, однако пышкой меня назвать было бы неправильно. Сейчас – правильно. Пышкой, но не толстухой. Самое странное, мне понравилось, словно примерила немодное платье, а оно идеально село.

В брате я особых изменений не заметила, только волосы у него стали длиннее, из чисто русых чуть в рыжину. Ида, Виктор, Северин внешне не изменились. Зато Миша заметно помолодел. Лет так на десять. Появилась некая мужественность, чёткие скулы, крупные кудри вместо плечи. Понятно теперь, почему мы ели мясное как не в себя. Белок нужен.

Барашек давно канул в глубины наших желудков, настала очередь гуся. Его Ида запекала сегодня на ужин в самом большом отделении печи.

Два вида переписи: населения Мюнна и «Чумного Кодекса» закончены, оброк собран, определён на хранение и переработку рачительной Августой. Мелкорогатое стадо попол-

нилось оброчными ягнятами и козлятами. То видимо приплод от нашего же скота. Основные работы в поле заканчиваются. Урожай почти собран. Скучный на наш взгляд урожай, но крестьяне почему то радуются. Руди учится запрягать четвёрку, приучает коней ходить цугом.

В Мюнне начали сушить блоки из самана – смеси глины, соломы и навоза. Север ездил проверять качество, сказал, что сохнут быстро, погода сухая, ветреная, тёплая. Место под общественную баню – мыльню определили на пологом берегу озера. С перспективой пристройки пекарни.

По приказу барона, десять парней ушли отводить воду и заготавливать торф на отдалённое болото. Я, посоветовавшись с Августой, отобрала пять девушек двенадцати-пятнадцати лет под руководством пожилой вдовы, она же кухарка, на заготовку ценного мха-сфагнума.

Девушки под охраной, парни обстираны, накормлены. Пусть присматриваются друг к другу. Хватит уже браки по расчёту заключать, пусть хоть крестьяне в семейной жизни счастливы будут, у них и так мало радостей. Никто не откажет свахе – баронессочке, да ещё с хорошим подарком молодым. Не за себя, так за других порадуюсь.

Верена уже в большом доме крутится, делает постепенно уборку комнат, приходит во флигель, помогает готовить Иде. Присматриваемся. По внешности трудно определить родство, но общий типаж совпадает.

Андреас сказал, что признавать её будем в любом случае,

девушка-аристократка брачного возраста, даже бастард, сама по себе ценность. Для политически либо экономически выгодного для семьи брака. Нужно только внести записи в родовую книгу и подготовить свидетелей.

Но она пока об этом не знает. Руди ей не люб, это видно, он тоже особо к ней не лезет. Корзину с мокрым бельём поднёс, воду в тяжёлых деревянных вёдрах приносит, вот и все его знаки внимания. Августа бдит.

Месяц, как мы обживаемся в этом времени. Виктор ходит в кузню, работает много, вместе с Бером по-настоящему устаёт. Велел парням на болоте железную руду искать, один день там провёл, добыли образцы ржавых бурых рыхлых комков. Радости было! Последние дня три ходит очень таинственный. Физиогномику знать не надо, у него лицо — открытая книга.

За ужином он новость преподнёс ошеломительную. Семья Мюнних никуда не уезжала.

— Вспомните, мы очутились в доме, полностью запертом изнутри. Чёрный ход, парадный ход — всё было заперто так, что открыть можно было только изнутри. На окнах двойные ставни, тоже все на внутренних запорах и засовах. Коней как было год назад шесть, столько же и сейчас, значит, на лошадях никто не уезжал.

Пешком здесь только бедные передвигаются. Транспорт не задействован. В доме нет дорогой посуды, драгоценностей, денег. Даже оружие — самое простое, нет дорогих поя-

сов, отделки на платье, спороты некоторые пряжки, подвески. В сундуках только самые простые ткани. Нет кружев, мехов. В доме не оставили преданных слуг и воинов дожидаться возвращения хозяев и стеречь добро.

Мой вывод таков: они первыми в этой области Германии получили известие о надвигающейся чуме благодаря другу из Генуи. Мы его читали. Собрали всё самое дорогое, включая себя, и покинули дом тем же путём, что мы в него попали. Только в отличие от нас они знали, на что шли. Чума – смертельная опасность, поэтому сработал портал. Вот такой у вас, Мюннихов, скелет в шкафу, точнее, в подzemелье. Самое главное – портал не одноразовый! Нужно продолжать следить за ним.

Быть ему первым детективом этого времени. Мы все одно и то же видели. Выводы сделал только он. Файл «Виктор». Важная информация. Логика, анализ, синтез – превышают характеристики остальных членов нашей группы.

– Я ещё толщину стен рассчитывал, нет ли комнаты потайной. Мебель проверил, нашёл два пустых тайника. В подвале помните, где видны раскопы? Там проверил, глина уплотнена, два пустых углубления прямоугольной формы. Видимо, хранились ценности, перед уходом раскопали, забрали.

Точно Виктор приоритет определил, в первую очередь нужно найти ценные ресурсы, также всё, чем владеем, с этой точки зрения рассмотреть. А мы? Погрязли в быту. Дальше собственного носа не видим. Добавим к его качествам: рас-

становка приоритетов, стратегическое мышление.

– Значит, мы не захватили чужое место и добро в этом времени, просто обменялись? Это хорошо!

– Что хорошего, Ида! Они бросили людей, которые от них зависят, в трудное время, перед лицом надвигающейся чумы.

– Мы не обменялись. По информации из исторических документов, которые я тщательно проверяла перед покупкой, флигель был построен в тысяча шестьсот пятьдесят первом году для семьи управляющего поместьем. Его не было здесь до нашего перехода. Почему он появился в этом времени, и селяне воспринимают его без удивления? Этаким блуждающий во времени флигель. Со всем содержимым.

– Думаю, это пространственно-временная связь. В каком бы времени ни находился пустующий родовой дом, он обязательно притянет к себе кого-либо из Мюннихов. Или наоборот. Как-то так.

– Миша, ты гений!

– Да, я такой! Ещё точнее: пространственно-временная-родовая связь. Вот я загнул! Теперь разгибайте, точнее разгребайте.

– Я вас сюда впутала, мне и отвечать.

– Кому и как ты будешь отвечать, Линда? Я тоже Мюнних, если по Мишиным раскладкам, то меня сюда тоже притянуло, как и тебя. Виктор, Миша, Север с Италией за компанию влипли.

– А я? Меня за что? С вами не была знакома, Мюннихам не родня. Заснула в своей палате в девяносто восемь лет, проснулась здесь сорокалетней.

– Эмма, баронессу староста в тебе признал? Признал. Августа тоже. Верена перед тобой трясётся, на глаза боится показаться. Настоящая баронесса ведь тоже не была урождённая Мюнних. Ты связана с семьёй, семьдесят лет в этом доме прожила, сердце младшему Мюнниху отдала.

Опять же внешнее сходство, наверное, роль сыграло. Положение у тебя самое выгодное: помолодела, баронесса, вдова, никто тебе не указ. Мы дети послушные, взрослые, возиться с нами не надо.

– Не забывайте, у вас ещё дядя родной в Ольденбурге при монастыре госпитальеров живёт. Лечится. Он инвалид какой-то недавней войны местного масштаба, младший брат к тому же, ему из наследства ничего не положено. Видимо, его на хозяйстве рассчитывали оставить.

– Да, муттер, нужно узнать, что с ним, если захочет, забрать домой.

– Согласна, сынок, мы, Мюннихи, родной кровью дорожим!

Я мысленно подвела итоги: Верену принимаем, дядю забираем, брата женим, семейка-то растёт! И расходы, соответственно, тоже, нужны новые источники дохода. Не обирать же крестьян до нитки.

Крутится в голове из прошлой жизни мысль, никак пой-

мать её не могу. Правду говорят – сапожник без сапог. Ново-пассит тебе в помощь, госпожа психологиня, аффирмации, медитации. Мне сейчас нужны тишина и одиночество. Спокойствие и неторопливость. Беру выходной. Пойду спать в большой дом.

Если Августа удивилась, то вида не показала. Сестрица Верена, оказывается, не зря хлеб ест, все спальни в жилой господской половине убраны, проветрены. Из сундуков занавески, полотенца, скатерти и прочий текстиль по местам разнесла, развесила.

Протопила мне смежную печь для двух спален, не для тепла, от сырости, и попросилась хоть ночь поспать в соседней комнате – «бабушка Августа так храпит, так храпит!»

Глава 25. Он существовал!

Утром, сразу после полезного английского завтрака – овсянка, омлет, бекон и кофе с рогаликами, я испортила всем настроение.

– Никто по своим делам не расходится! Сегодня мы плотным полом на первом этаже.

– Это как? - озадачился Миша, - у меня приём сегодня и консультация по стройке бани. Мы уже под крышу сегодня подводим здание.

– И зачем? - недовольно добавил Север, – я хотел верховой езде парней немного поучить, в деревню съездить, стройку проверить, помочь...

Виктор просто посмотрел мне в глаза, догадался, кивнул.

– Это, ребята, так: сдвигаем мебель, поднимаем доски пола, укладываем их плотнее, без щелей, подбиваем друг к другу, в образовавшееся в конце комнаты пустое место укладывается добавочная доска, плинтуса возвращаются на место, - коротко объяснил он самую суть процесса.

– Это затем, что Линда, судя по её решимости, решила попутно там клад поискать. Я её поддерживаю, есть смысл. Заодно трубы под полом проверим, отопительную систему к зиме подготовим.

От ехиды брата поддержки не ожидала, вдвойне приятно. Действительно, и проверить заодно можно, случись авария,

никого не вызовешь. Тут всё сами, сами

– Ой, как интересно! Клад искать будем, здорово да?

Вот, ещё и повод для радости дала.

– С чего мысль такая пришла, Линда?

– Сон вещей снится постоянно. Прораба помните? Он про двойное дно говорил, как между полом дома и потолком подвала по керамическим трубам горячий воздух от печи идёт.

Не рассказывать же им про мышь, медитацию и работу подсознания во сне, включая состояние транса при засыпании и пробуждении.

– Разверните здесь всё, делать больше нечего, грязищи будет, только дом отмывать неделю.

Недовольно и как-то нехарактерно зло, поджав губы, выдала молчавшая до сих пор Эмма. Да-а, тут и полиграфа не надо.

– Эмма, скажи, где он, если знаешь. Тогда время сэкономим. Нам сейчас жизненно необходимо внести налог графству. Если налог вовремя не платить, то баронства не будет, дарованную землю заберёт граф и передаст тому, кто умеет хозяйничать.

Я нагло врала, давила голосом. Маленькая женщина взъерошилась, как курица, увеличилась в размерах, упёрла руки в бока:

– Не смотрите на меня так!!! Это не ваше и не моё! Похоронки не было, он без вести пропал! Если в мире такие чудеса творятся, может, мой Вальдик где-то ещё жив! Я его

столько ждала, и всё ещё... жду. Я обещала сберечь!

— Эммочка, милая, мы всё понимаем, никто не осуждает тебя! Ты молодец что сохранила! Просто пойми, до уплаты налога всего месяц. Самое ценное — не золото, не драгоценности! Самое ценное для любого барона фон Мюнних в любом времени — его дом, его земля, его семья! Представь себе — всё отнимут, ему просто некуда и незачем будет возвращаться!

— Госпожа Идалия, Вы единственная, что всегда находит в нужную минуту нужные слова. Он спрятан под полом у меня в каморке. Если только вообще в этом времени существует.

Он существовал! И еще как!

Два дубовых резных сундучка содержали отдельно: один только драгоценности, огранённые камни без оправы, другой — только золотые монеты. Были очень старые, видимо, с основания рода, хранившиеся в семье грубой работы фамильные драгоценности. Рядом с ними уникальные изящные вещицы семнадцатого-восемнадцатого веков. Золотые монеты из разных времён и стран. Дублоны, экю, пиастры, талеры, динары...

Судя по происхождению монет, весьма удачно и не один раз в крестовый поход сходили. Помотало в своё время предков по дальним странам. Ой, Линда, кто бы говорил! Тебя вон по временам носит, и ничего, как будто так и надо. Еще золота добавь в копилку предков, совсем своя в доску станешь!

Мы с братом провезли мои двести двадцать грамм через таможенно легально, разделив их пополам. Навешали на себя, указали в декларации. Золотые вещи никак не изменились. Простенькие современные цепочки, колечки, перстни, браслеты, серёжки смотрелись на фоне тяжеловесных средневековых украшений изящно, работа по сравнению с ними была тончайшей. Их можно позиционировать как детские украшения для самых знатных девочек и подарки для юных невест.

Мы освоимся, найдём канал сбыта и продадим их очень задорого. Слитки по десять грамм просто положили в ящичек с деньгами. Эмма с удовлетворением восприняла пополнение семейных сокровищ. В глазах так и читалось: «Ну хоть не нахлебники!» От души её поблагодарила за верность семье Мюнних и своему слову.

– Всё Эмма. Твоя миссия по сохранению закончена, ты передала ценности нынешнему главе рода. Мы найдем им самое важное применение!

– Пойду в дом, нужно прошлогодние grossбухи поднять, сколько мы графу должны налога, обед не приносите, у Августы поем. Ушел в замок Андреас.

– Нам с собой сухпай положи, пожалуйста, Ида, мы хоть на полдня в деревню.

– Мне перевязку делать, новорожденного осмотреть, я с вами.

Обед решили не готовить, раз главные едоки разбежа-

лись.Готовка здесь это вам не там, долго, хлопотно, тяжело. Почему мы должны на кухне возиться, когда такие дела творятся? Я прямо физически ощущала зуд на шее, в ушках и пальцах. У нас дела поважнее есть, нас ждут лучшие друзья девушек!

Глава 26. Наша цель — выжить и укрепить позиции.

Вернулся Андреас с документами; увидел наше девичье великолепие во всей красе.

– Фройляйн, вы ослепительны! Видели бы вы, как сияют ваши глаза! Видимо, отраженным светом алмазиков. Если так вырядитесь на приём к графу Ольденбургскому, то наш налог на следующий год вырастет в три раза! Семейство наше по статусу фрайхерры – самая низшая ступень дворянства. Ему и будем соответствовать.

Из всего сказанного ухо чутко уловило «на приём к графу Ольденбургскому»!!! Выход в свет, о Боже! Нет богатых платьев, а драгоценностей можно надеть только минимум. Траур по папеньке.

Это ещё мелочь, по сравнению с незнанием этикета, танцев, отсутствием благородных манер. Мы не знаем имён и внешности других аристократов, которые знают нас, точнее, их, прежних Мюннихов. На всё про всё месяц. Нужно изучать книгу по этикету, с танцами точно не успеем. Платья как-то дополнительно украсить.

Верену нужно признать официально и представить на рынке невест. А я ведь тоже не замужем, ужас! Как Андреас говорил, «девушка-аристократка брачного возраста – цен-

ность». Придётся выглядеть так, чтоб и мысли ни у кого не возникло! Осанка, прямо скажем, не блеск. Работы... работы...

Иду, любимицу, надо к Августе подослать, нужны разведанные: кто соседи, как всё-таки умер папенька-барон, что про графа здешнего в народе говорят. Ей, чужеземке, всё интересно, любопытно, а мы якобы ничего не рассказываем.

Карета есть. Выглядит вызывающе богато, необычно. Придётся подкорректировать. Грязь ещё никогда роскошно не смотрелась. Ездим теперь в деревню строго в карете. Руди в шоке, вдобавок и мыть запретили.

Обидно приbedняться. Сложная, даже критическая для выживания ситуация: мы очень богаты, даже до конца не поняли, насколько, но случись что, защитить своё имущество не сможем. Свои жизни тоже.

Я совершенно права, сколько раз требовала – наёмники нужны. Несмотря на свой более высокий рост, наши парни против местных аристократов, воинов – милые феечки против троллей. Они не владеют холодным оружием, они в принципе не умеют и не готовы убивать человека. Времени этому учиться тоже нет. Дело не быстрое, рукопашной битве с холодным оружием годами учатся. Нужно нанять профессиональных воинов. Это срочно. Вчера.

В эту эпоху господствует право сильного. Пока мы слабы, нам нужен сильный покровитель. В идеале сам граф. Мы должны ему понравиться, любой ценой! Даже если он распо-

следний средневековый жестокий несправедливый самодур и феодальный негодяй.

Наша цель — выжить и укрепить позиции.

Полотняные мешочки для денег шить разведчик Ида пошла к Августе. Андрей сортировал монеты, чтобы не попались более позднего, чем нужно времени. Несколько самородков нас совершенно озадачили, и где оно, то Эльдорадо?

Годовой налог был для нас посильный, четыреста восемьдесят серебряных талеров или взаимозаменяемо: внимание! Содержание и предоставление по первому зову суверена десяти конных воинов. Во главе с бароном. За прошедший год Мюннихи рассчитывались деньгами. Мы за этот год сейчас также оплатим. Баронство выплачивает налог деньгами, что свидетельствует о достаточном уровне финансовой устойчивости.

Моё твёрдое мнение — надо нанимать воинов, даже если это будет дороже налога в деньгах. В Ольденбурге нужно будет золото на серебро обменивать. Медь тоже не помешает.

Вернулись из Мюнна под вечер Северин, Виктор, Миша. Доктор наш уже начал гонорары получать натуральными продуктами, тяжёлую корзину понёс на кухню. Бартерная система в расчётах указывает на недостаток монет в обращении. Хорошо пристыдила народ экономка, правильно, халыва — очень заразная болезнь, причём хроническая. От неё никакой лекарь не поможет.

Миша был доволен темпами строительства банно-прачеч-

ного комбината в стиле фахверк, но озадачен внутренней отделкой. Собирали ему доски со всего флигеля, ящики на разборку отдала. Дровесиной баронство было небогато. Небольшие лесочки на верхушках холмов было просто жаль изводить.

Решили лес по всем холмам рассаживать, сосны любят песчаную и меловую почву, а рассада вон она — под деревьями растёт, от недостатка света погибает, сосны светолюбивы.

Должны жить звери, птицы, грибы, ягоды селяне собирать. Просто сходить в лес уже радость: хор обезумевших от счастья жизни лягушек в лесных бочагах, птички невинные трели, удивительные шорохи и звуки. Лес — кормилец, лекарь, поставщик дровесины, укрытие на случай нападения для крестьян.

Плодородной земли мало, вся распахана, крестьяне уже с трудом могут прокормиться. Земля здесь — вечное яблоко раздора. Кругом одни болота да пустоши песчаные. Северин решил расширять посевные площади за счёт пустошей: завозить туда торф, навоз и птичий помёт, золу, тут же перепаживать, делать это будут крестьяне до самого снега. Смесь песка, торфа, органики даст хорошую основу, потом пару лет бобовые там сеять. Земля, территория дороже любого золота, этот товар не производится больше на планете, это вечный ресурс, если с умом распоряжаться.

Наш Гефест — Виктор всё-таки умудрился на болоте на-

ладить добычу ценнейшего ресурса в этом времени — железа. Кстати, оно так и называлось — Ржавое болото. Вот нравится железосодержащим бактериям там жить и питаться, производя залежи руды. Обалдеть! Какие то микрокозявки железо производят, болотная руда называется. Никогда не знала, что существует болотная руда. Говорит, зимой плавать начнут. Утерпят до зимы они, как же.

Кузнец, деревенский сердцеед и красавчик Бер, прямо духом воспрял, у него самого и местного населения нет денег на покупку железа, поэтому работы мало: ремонт орудий труда да из старого новое перековать.

Своё железо будет, развернёмся! Первым делом плуги нужны, это же ужас какой-то средневековый: сохой, деревяшкой с обжатым полоской металла краем землю царапать! Металлические водопроводные трубы Виктор назвал стратегическим ресурсом, парни в первый день нашего пребывания занесли их в подвал флигеля.

Девушки вернулись с заготовок с десятками огромных тюков подсушенного мха, на краю болота грузили в телеги. Пока складировали в нашем пустом сарае. Зимой этим же девушкам будет чем заняться.

Дренажные канавы сделали достигаемыми огромные запасы торфа, мха, клюквы и самое главное - руды. Как только заготовки закончатся, канавы перекроют, до следующего сезона добычи. Северин посоветовал, чтобы сохранить биогеоценоз. Торфозаготовки продолжили, только уставших людей

сменили, топлива много не бывает. Торф верховой так же на удобрение пойдёт.

На крутом берегу реки, подальше от деревни на выходе из озера, гончар Гуннар глину брал, изделия его были добротные, в хозяйстве незаменимые. Заказали ему много горшков с точно подогнанными крышками, плитку керамическую, кирпичи сильно закалённые в неограниченном количестве велели делать, обещали все купить. Обрадованный гончар с семьёй затеял расширение мастерской и места для сушки.

Столяр, плотник и бондарь сидели практически без работы – не было древесины. Пока изучали простенький набор плотницких и столярных инструментов, который практически не изменился со временем, так как изготовлено всё было из металла и древесины. Рубанок понравился.

Бензопила, удачно прикупленная Андреем незадолго до попадания, изменилась практически до неузнаваемости. Мы еле узнали её в хитросплетении шкивов, колёсиков, передаточных ремней, похоже, работала она уже не на бензиновой, а на водяной тяге! Но вряд ли мельник подпустит эту зубастую страхолюдину к своему колесу. Нужны источники энергии, срочно! Вчера!

Дерево – самый востребованный материал и ресурс. Нужно искать, где закупать. Зимой старосте работы мало, дадим коня доброго и пошлём в командировку. Пусть ищет.

Мирные, простые, жизненные заботы, всегда бы так: твор-

чески, с выдумкой хозяйствуй, уважай трудовое крестьянство, будь запаслив – и будет тебе тихое счастье! Так нет же, за свою ложку мёда в этой бочке жизни ещё сражаться надо. И неизвестно, что страшнее – чума, голод, междоусобица, война с соседями?

Глава 27. Хватит на сегодня приключений.

Этот случай мог бы и не произойти. Если бы я не была так влюблена в свои новые длинные, пышные и густые волосы. Всю жизнь мои три волосинки в шесть рядов приходилось маскировать модными стрижками и объёмными средствами. Теперь я обладала великолепной шевелюрой и гордилась этим невероятно. Такая роскошь требовала тщательного ухода. Идалия обещала сделать репейное масло, если обеспечим её ингредиентами.

Вот в чём, в чём, а в репьях в округе недостатка не было. Верена летом заприметила полянку с особо наглыми многолетними экземплярами, чем старее корневища, тем больше в них накоплено питательных веществ. Уже сентябрь, силы они набрались, и мы с Вереной увязались вслед за Руди, Отто и Гансом. Ребята поехали вывозить третий укос сена с луга, а мы копать репухи.

Петляющая грунтовка занудно огибала каждый бугорок, благодаря чему перед нами открывались всё новые виды природы. Пейзаж был довольно однообразный, но осенние расцветки превратили его в роскошное панно в стиле пэчворк.

Лоскуты бурой пахоты перемежались багряными куста-

ми барбариса, ещё зелёная трава луговых полей была фоном для чётких графичных линий высохших зонтиков соцветий. На холмах тёмная хвоя сосен изредка перемежалась блёстками золотых монеток листочков молодых берёз. Рубиново-жёлтые клёны росли группами и просто магнитили взгляд. За любованием щедротами осенней палитры мы быстро приехали до места.

Разделились и занялись каждый своим делом. Работа нелёгкая, грязная. День выдался по-летнему жаркий. Медленно, но верно заготовка продвигалась, корзина наполнялась. На другом краю поляны бабочкой лимонницей мелькало ярко-жёлтое платье Верены.

Хорошо хоть я надела фартук, нарукавники, чтобы сбросить одежду. Корень попался особенно крупный, пришлось долго его обкапывать, но это того стоило. Попыхтев бесполезно минут пять, я не смогла его вытащить, пришлось звать подмогу.

Ганс воткнул здоровущие деревянные острые вилы, из цельного разветвлённого стволика дерева, в стог. Уверенно уцепился довольно крупными ладонями, потянул, покачал, дёрнул и... уселся на задницу вместе с огромным, но всё-таки обломанным корнем. Я слегка огорчилась, но похвалила парня. Он, не обращая на меня внимания, пристально вглядывался в заросшее полусухим репейником обширное поле.

– Быстрее к телеге, госпожа! Там спрячетесь под ней! Веренку с собой тащите!

- А что?

- Быстрее, быстрее, бегите! Пригнитесь! Заметят!

Оснований не доверять опыту местного населения у меня не было, я, ничего не понимая, подорвалась. Пробегая мимо Верены, молча схватила её за руку, задрала юбки, и мы понеслись, насколько позволяла моя комплекция, к означенному объекту. У быстроногой Верены хватало скорости и дыхания оглядываться, крича мне:

- Там всадники! - Чужие! - Трое! - Приближаются! - Заметили нас! - Скорее в деревню!

- Не могу, всё! Беги одна! Я здесь спрячусь! Судорожно хватая воздух, согнулась, держась за бок. В глазах темно. В голове абсолютная звенящая пустота. Жива буду, хudeю, тренируюсь.

К опорному пункту со всех ног бежали Отто и Руди с вилами наперевес. Бесцеремонно загнали меня под телегу, кинули мешки. Я зарылась в них на манер страуса. Выставила один окуляр в дыру. Стал слышен грохот копыт. Подбежал Ганс, схватил свои вилы, тоже встал в круговую оборону. Закричал нам, надсаживая горло:

- Может, обойдётся ещё, вроде не разбойники! Одеты хорошо. Ну, куды она побёгла, куды!!!

Два всадника закружили вокруг телеги, посвистывая и нагло хохоча, отпускали непристойные шутки о моей не прикрытой маскировкой части тела. Плотный брюнет постарше и молодой стройный юноша. Скучно им тут в Средние века,

развлекаются как умеют.

Парни выставили свои длинные острые вилы, ошетинились, не давая подъехать ближе. Третий же разбойник, не замедляясь, проскакал мимо, мгновенно догнал Верену и, подхватив её, кинул поперёк коня перед собой, как лёгкое жёлтое пёрышко. Его намерения преступны. Резко развернувшись, он подъехал к друзьям.

– Чего возитесь! На кой вам толстомясая крестьянка! За эту птичку мне хозяин не меньше десяти талеров отвалит! Может, женюсь даже после его сыночка, гы-гы-гы!

– Плетей он тебе отвалит, а не талеров! За то, что благородную девицу от крестьянки отличить не можешь!

Пыхтя, кряхтя и отдуваясь, выбралась из укрытия и встала, задрвав до отказа шейных позвонков подбородок, постаралась принять изящную позу. Взглянула грозно на более наглого и лучше одетого всадника.

– Веренка!!! Чего разлеглась, дурища! Быстро привела свою госпожу в порядок!

Ужиком, под руками, держащими повод, скользнула Верена с коня, присела сразу, чтобы не ухватил. Кинулась ко мне и принялась стаскивать холщовые нарукавники, отряхнула и расправила расклешённые шёлковые рукава. Ловко развязала двусторонний серый фартук, стянула его через голову, взлохматив и без того вздыбленные во время бега волосы.

Открылось вытертое старое, но всё-таки бархатное платье с парчовой вставкой посередине. Сняла шейный платок. Во

время этого стриптиза трое мужчин, не знатные, но в добротной полувоенной одежде, с интересом таращились на все новые открывающиеся красоты.

Мятую тряпочку вуаль с двумя зажимами я достала из узкого зарукавья киртла. Сестра молниеносно нацепила на меня этот атрибут женственности, забилась за спины наших ребят. Они и не подумали опустить своё достаточно грозное оружие. Напротив, упёрли вилы на манер рогатин в землю.

Всадники не имели мечей и луков, лишь короткие кинжалы на поясе. Сейчас преимущество в силе и статусе было на нашей стороне.

Я гордо подбоченилась:

– Ну? Сватать приехали или сразу похитить меня решили?

– Кого? Тебя???

– Амелинда Лидия фон Мюнних, дочь Харальда фон Мюнних! А вы кто такие будете? Сваты? Я подёргала самого наглого всадника за стремя, настойчиво заглянула ему в лицо. Меня он точно в седло закинуть не сможет.

– Нет-нет, мы так... Мимо проезжали. Пошутить хотели над крестьянами, попугать. Повеселиться.

– На чужой земле, чужих крестьян притеснять вздумали? Своих вам уже мало? Попугали, повеселились, проезжайте! Поклон от меня сыну хозяина, если надумает, пусть сам приезжает, ко мне уже лет десять никто не сватался. Бесприданница я, характер сварливый, рука тяжёлая, вон слуги все без зубов ходят. Ребята молча, не опуская вилы, затрясли голо-

вами.

– А какие достоинства есть у тебя, девица на выданье? Вдруг заинтересуется сынок баронский тобой.

– Правду я всегда говорю! Вот моё главное достоинство! Красавчик, ты случаем не бастард? Если что, я и за бастарда согласная!

Уцепила похитителя покрепче за ногу и сделала довольно мощную попытку стянуть его с седла. Он задрогался и отъехал на безопасное расстояние.

- Какого барона люди-то будете? Эй, куда вы! Стойте! Стойте!

Трясло мелкой противной дрожью, прошибло адреналиновым вонючим потом. Верена обняла меня, с облегчением расплакалась, потом на лице её отразилась мимика старательно вспоминающего человека:

– То люди барона фон Берга, соседи дальние наши, за Южной пустошью. Вспомнила я одного. Коренастый, черноволосый, в синей котте. Куно его имя. Прошлого года зимняя охота мимо деревни нашей возвращалась, он бабушке поросёнка, кабанчика заносил, в уплату.

– В уплату? Значит, не совсем разбойник. За что?

– Она его от коросты излечила, весь в болячках был.

– Ненавижу!!! Дали бы приказ, госпожа, убил бы! Тёмные людишки, днём вроде бы стражи, охрана, воины. А ночью разбойники и воры! В своих же деревнях девкам проходу не дают. Милая у меня жила там, в Берге, пошла вечером на

мостики бельё полоскать. Вот так же один из них подъехал. Выкрал, увёз... Утопиться хотела, да греха смертного побоялась.

— А что дальше, Ганс? Почему жила? Умерла что ли, уехала? Или не мила после этого больше?

— Что, что... Опозоренная живёт, головы перед людьми не поднимает. О замужестве ей теперь забыть придётся. В монастырь не возьмут, денег на взнос нет. Отцу с матерью стыд и обуза.

— Опозорил себя сам насильник, а стыд тому, кто допустил, кто защитить не сумел. Ты, Ганс, женись на ней, не смотри на это. Рановато, правда, тебе пока семьёй обзаводиться, так хоть невестой назови, если любишь. Пусть видят люди, её вины нет. Задумался? Пора домой, хватит на сегодня приключений.

По приезде я закатали парням знатный скандал. Расслабились, нашли время и место! Если бы не простые крестьянские подростки с их самоотверженностью вкупе с моей наглостью, что бы случилось с Веренкой? То же, что и с подружкой Ганса.

Да что говорить, сплошь и рядом такое происходит. Женщины, не имеющие сильной защиты, совершенно бесправны. От одной этой мысли кровь вскипела! Отключился контроль. Полностью позволила себе впасть в ярость, мой визг, наверно, был слышен во дворе:

— Вы как защитники ничтожны!!! Даже если бы там были,

не сумели бы нас отбить! Когда уже охрана в замке будет! Да вы просто экономите на безопасности! Говнюки! Трусы! Я требую, нет, я приказываю, чтобы вы немедленно занялись этим вопросом!!!

Первым под руку попался Север, на каждом слове я толкала его ладонями в твёрдую грудь и наступала. Он в растерянности отступал. Остальные ребята просто застыли в недоумении – психолог распсиховался! Из меня вырвался странный низкий воющий звук, пальцы сжались крюками. Далее я ничего не помню... Очнулась вся мокрая, вода стекала с волос по лицу. Миша стоял неподалёку с кувшином.

– Линда, успокойся, ты права, абсолютно права, но всё же возьми себя в руки. Прошу, Линда, не пугай меня! Ты слышишь? Ты меня слышишь? Эмма слегка трясла меня за плечи. Глубочайшее удивление и беспокойство на её лице.

– Что со мной? Я натворила что-то? Нет?

Парни боком-боком просочились к двери на улицу.

Да, в гневе я страшна, непредсказуема, сама себя боюсь. Такие случаи редчайшие в моей жизни. Сегодня третий. Однажды я сама напала на грабителя, безуспешно попытавшегося вырвать у меня сумку с наличной выручкой за авто. О! Простите меня, мытари! Грешна, каюсь!

Сумка была увесистой не из-за денег. Просто по пути купила семь банок различных консервов к новогоднему столу. Включая большую литровую с ананасами. Обожаю салат из курицы с ананасами. Когда я не спеша удалилась, избитый

преступник лежал в сугробе и жалобно стонал. Скорую не вызвала. И в полицию не пошла. И до сих пор не раскаялась.

Андреас наградил подростков деньгами, обещал, что когда приедут наёмные воины, то их в первую очередь возмут в обучение за баронский счёт. Мой брат думал полным составом ехать к соседям на разборки, предъявить барону фон Бергу претензии за поведение его людей. Я отсоветовала, ведь рыба всегда гниёт с головы. С такими типами говорить нужно только с позиции силы, а у нас её пока нет. Мне страшно, очень страшно за всех нас.

Парни долго тянули, а теперь спешно стали собираться в дорогу, в юго-западном направлении поедут. Во всех встречаемых населённых пунктах наши противочумные письма счастья грамотным раздавать, по од

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.